

РУТЕН КОЛЛЕНС

СВЕТОРОЖДЕННЫЕ

•
ПРЕДВЕСТНИКИ БУРИ

Рутен Колленс

**Светорожденные.
Предвестники бури**

«Издательские решения»

Колленс Р.

Светорожденные. Предвестники бури / Р. Колленс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859139-6

Война уничтожила человеческий мир, сожгла и обратила его в пепел, но ее, маленькую девочку с Земли, обошла стороной. Ее выкрали из лап смерти и перенесли туда, где давнее зло пробудилось, где ожил мрак и пролилась первая кровь. Ее ждут дома, но дорога домой нелегка. Чтобы вернуться назад, придется сделать выбор: кому умереть, кого оставить, а кого уничтожить. «Предвестники бури» — первая книга Рутен Колленс из цикла «Светорожденные», повествующая о становлении маленьких людей на пути к величию.

ISBN 978-5-44-859139-6

© Колленс Р.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Предчувствие	7
Глава вторая. Аладеф	27
Глава третья. Целительница Дакоты	51
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Светорожденные Предвестники бури

Рутен Колленс

Дизайнер обложки Елена Сергеевна Крутенко

© Рутен Колленс, 2018

© Елена Сергеевна Крутенко, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-9139-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

И ныне жизнь принято делить на сущую – **мидгардскую**, хранящую в себе вселенную до самых ее краев, и высшую – **утгардскую**, за гранью ее понимания, оставшуюся со времен зарождения мироздания и пронизывающую его неосязаемыми струнами.

Мидгард – денница бытия, твердыня ойкумены, мир по левую границу от безвестно сгинувших душ. Сей мир делим для каждого и цел для всего, осязаем, видим, населен. В мидгард приходят души, в мидгарде они зарождаются и существуют до тех пор, покуда не вознесутся до края окраинного поднебесья. Мидгард есть всяк элемент, а всяк элемент и есть мидгард.

Утгард – поднебесная ойкумены, та часть ее, что по ту сторону сущего, правее границы безвестного царства; безмирье постоянное, вечное и единое. Безмирье есть подлинный центр обетованной, есть нить, сплетающая материю. Зарок пробужденный в Утгарде законом высшим плеядой Отреченных читается – так нарождается закон в Мидгарде из беззакония пришедший.

Неведома тропа меж двух стихий, бытием и небытием разделенная. Одна только связь утгарда с мидгардом – **Нэден** – окраинная земля – всеобъемлющая гениза фолиантов, светом посеянных; обитель безымянных и безвольных. Обитель **Создателя**.

Утгард и мидгард – два столпа кромлеха, увенчанные гардвиковым разумом поколе послушным им. Два столпа из сотен. Меж ними нет мостов. Меж ними нет души, коя верна была бы объединяющему свету, но есть велиарная канитель, по кой вознесенным под силу отыскать путь к окраинным землям, а значит, отыскать путь к Создателю...

*Ригост Флаг,
«Тайны и загадки Слияния»*

Глава первая. Предчувствие

*Душа его жила в темнице отчаянья и боли,
Всесильных и могучих ввергла в страх,
Глумилась, жгла сердца и покоряла волю,
Стремилась к жизни, но обращала в прах...*
Мэрил Юрс, «Жизнь Отгара» II ЭЗП

Рубиновый рассвет опалил небосвод. Туман, что вязким белым дымом ютился у подножья все прошедшие томительные часы ночного ожидания, пришел в движение и поспешил скрыться под листвой золотых деревьев, что величавыми истуканами охраняли берега Агнии. Седая мгла, сгущавшаяся в оврагах и лощинах, поредела, обратилась в кристальные водяные печати чистой росы и лихорадочно усеяла землю. Горизонт заробел от легкого весеннего ветерка, звезды потерялись в синеве, и лишь на самой верхушке неба осталась одинокая маленькая точка, что хотела бы уйти в ночь, но не могла. Ее время еще не пришло.

Феюрия, что блуждала в темных глубинах все прошедшее тысячелетие, теперь была близка к Эйлису, как никогда.

Руна проснулась, ожила. Руна великая простиалась с севера на юг и с востока на запад. Здесь она была сама по себе и обладала тем же разумом, что и вселенная. Каждая ее крупинка несла невиданные знания, коснувшись которых однажды, навсегда можно было бы позабыть о привычной, беззаботной жизни.

Заснеженные вершины Западных, Северных и Верных гор, необъятные просторы Мледиума, Зормана и Вальмарских лесов, бурные течения Агнии, Разгурна, Азгурна и тысяч других рек, глубины морей Линистаса и Фортуноса – все это царило внизу под теплыми лучами далекого от Эйлиса дневного светила. Илиус медленно восходил. Яркий и загадочный. Сегодня он был окутан серой пеленой хмурых туч, подкрадывающихся с дальних берегов Вантури.

Илиус расцвел и вместе с ним расцвела земля. От самого запада до востока протянулась полоса благоухающих красок. Цвели безоблачные просторы Радужных полей, что простирались у вечнозеленых берегов Ярлы норгротских земель, запутанные вереницы Зеркальных долин под нависшими остроугольными пиками Северных гор, и даже Светлые заводы Тенистых берегов на окраинах Аладеф. Весь мир восторженно ожил. Мидгард возродился, восстав из снежного пепла, что задержался здесь аж до третьего месяца весны.

Нынче Эйлис не беспокоился по пустякам. Как и любой иной юный мир, он был полон сил и энергии. В каждой его частице таилась магия, незабвенная и неподвластная даже времени. Сей великий мидгард все еще хранил в себе множество опасностей, оставшихся здесь со времен первого слияния, и так и не ушедших, даже под натиском гоменских зеркал.

Ветер ударил, настезь распахнув хрустальные двери ее спальни, ведущие к безмятежным небесам. Белые тюльпаны зашептались друг с другом, лилии гордо приподняли головы, ромашки и ирисы сплелись воедино. Легкие белые шторы медленно заколыхались, лаская холодные безжизненные стены, обволакивая их, словно облака молочного пара; восторженно ожили, протянув к ее плечам забавные пушистые кисточки. А она спала. Спала одиноко и крепко, несмотря на то, что утро уже наступило. Ее хрупкие тонкие ноги слегка прикрывала скрученная белая простынь, руки лежали на белой холодной подушке, вцепившись пальцами в пепельные волосы. Все в ее комнате было белым и чуточку черным, и только ее кроваво-красные губы являлись воплощением пылающих роз в этом безмятежном спокойствии сонливого цветочного сада.

Она спала и ее секреты оставались с ней. Вся красота могла оказаться обманом, и, лишь добравшись до ее души, можно было узнать правду. Душа показала бы ее истинную сущность,

да только вот душу, как знал каждый житель Эйлиса, нынче нельзя было никому ни показывать, ни открывать, ни доверять.

Она, все еще укутанная сном, вздыхала морской воздух. Одинокая, заброшенная, одна во всем замке. Или нет? Не одна.

Совсем рядом, касаясь белого шелка, над девушкой стоял человек. Он казался призраком, но лишь казался. Сумрак стучался рядом с ним и воздух стыл, и будь в этой комнате кто-то еще, увидевший эту темную статую, кровь застыла бы в его жилах, дыхание остановилось, сердце глубоко вонзилось бы в плоть.

Довольно длинные человеческие пальцы, яркой пестротой видневшиеся сквозь мелкую сетку, нашитую на рукава, прикоснулись к ее лицу. На мгновение от щеки до красных губ пробежала искра морозного холода, но она в ответ лишь улыбнулась и глубже нырнула в подушку. Ей нравились его прикосновения.

Он, весь в черном, вышел на балкон, и его лицо заблестело в лучах илиуса. Это был высокий статный муж лет двадцати восьми. Широкие плечи медленно вздымались, и, казалось, что он глухо дышит, тяжело глотая воздух. Статная осанка подчеркивалась красотой дорогой одежды: на нем все, начиная от упругих черных ботинок, вычищенных до безупречного блеска, и заканчивая крохотной бронзовой брошью, вылитой в форме сенмурва и украшенной драгоценными камнями, блистало великолепием и знатностью. Чего стоила одна только шинель, сотканная из самой редкой зачарованной материи на всем белом свете!

Сильные руки вцепились мертвой хваткой в поручни. Многие сотворили эти руки, многие создали и уничтожили. Темные локоны коротких волос падали на его лицо и разлетались от дуновения ветра. Кожа молодая, без единого изъяна. Широкие черные брови были расслаблены. Черные глаза смотрели куда-то вдаль, и, несмотря на все богатство и роскошь, красоту и безмятежность, они были уставшими, как после долгих бессонных ночей. В них было что-то пугающее, что-то отталкивающее. В нем самом было что-то жестокое и ужасное. Каждая его частица изливала тьму.

Он стоял на краю обрыва, уходящего в беспробудную синь. В туманной пучине, разразившейся у подножия замка, бушевало море. Оно день за днем менялось: то уходило в глубину, оставляя за собой тонкие борозды песка и холодного бриза, то недвижно замирало, принимая мрачное затишье и всматриваясь в лучи одинокого илиуса, то высвобождало всю свою силу и со всей мощью ударяло по берегу – замок содрогался.

Дарк, возвышаясь над морской бездною, виднелся за тысячи лим до самых Западных гор и берегов Эвингера. Слегка заметные детали окружали пологие края золотых куполов с янтарными ветровыми вышками, закручивающихся в круглые сияющие прорези, от которых слезились глаза. Высокие башни парили в воздухе – им не нужны были ни подпоры, ни крепления. Часть пиками устремлялась вверх, исчезая под белыми пуховыми перинами облаков, а часть билась за место у холодных морских берегов.

Линистас грозно ударялся о стены. Сегодня море было беспокойным. Что-то тревожило его пучину, волновало сильнее, чем когда-либо.

Нет, не застали дети четырнадцатой эры тех времен, когда здесь, на широких просторах Септима, бушевало не море, а свобода, магия и наука. Когда-то замок был центром знаний всей Руны. Сюда приходили мыслители, философы, книгописцы и маруны. Здесь творили волшебство. Многие изменилось с тех пор.

Человек, что встречал рассветы в нынешнем Дарке, был тем, кто изменил историю Руны раз и навсегда. Сейчас он – ее власть и сила, смерть и жизнь.

Хедрик осмотрелся. Прекрасные облака белым ковром стелились у его ног, он мог бы ласкать их ступнями, баловаться с игривыми волнами. Удивительные птицы с красно-желтым оперением пролетали рядом, подымались так высоко, что преодолевали порог неба, сливались с ним.

В лицо ударил прохладный ветерок. Хедрик перевел взгляд на город. Септим блистал, укрытый слоем золота и хрусталя, время от времени пошатываясь от неясных морских звуков. Отсюда открывался вид на все его владения: обширными пространствами расстилались длинные линии набережных, тянулась бесконечная горная долина с треугольными крышами домов, бесчисленное множество мостов через Агнию – реку погибших кораблей. Весь Септим стелился, необъятный, как небо. Там, под цитаделью, на широких площадях и тротуарах, по берегам рек, стояли смутные черные точки – неразличимые силуэты мертвых и живых. Крыши домов виднелись под легким туманом, чуть слегка колыхаясь под кронами трепещущих золотых деревьев. Восточнее расстилались хмурые, стирающие горизонт, бескрайние поля и сады, севернее – кроны деревьев Мглистого леса, что поглощали каждую каплю весеннего дня.

Ему нравились Мглистые леса. Эта пугающая, непроходимая чаща стала пристанищем для его верных псов – фандеров, коими он повелевал. Он был их владыкой. Он был повелителем каждого.

Владыка резко повернулся на каблуках. Один шаг и Хедрик парит над широкими лестницами, вихрем закручивающимися и уводящими вглубь земли, еще один – он в зале *Жатвы*. Ему покорно время и место. Здесь он – властитель всего сущего, он – алакс – новый, незаконный, избранный тьмой, правитель мира.

Хедрик медленно сел на трон. Золотое сияние осыпало его плечи, образуя алую мантию. На голове всплыл смутный образ венца из черного опала. Еще вира, и венец приземлился, прижав черные локоны волос. Алакс щелкнул пальцем. Тут же в руке появилась чаша с густой жидкостью. Может то была кровь, но никто не знал наверняка. Владыка отпил. Изумрудная чаша замерла на мгновение в воздухе и исчезла. Он окинул взглядом просторный зал. Высокие колонны, обвитые зеленой листвой, уходили прямым к золотому, чуть прозрачному куполу, сквозь который виднелись белые пушинки облаков. Из широкой арки, охраняемой статными людьми, прячущими лица в драгоценных масках, показался маленький человечек в смешном колпаке и зеленой мантии. На фоне всего прочего он выглядел довольно нелепо и забавно.

Мужчина приблизился, неуклюжа перебирая ногами. Он был гладко выбрит, причесан, вполне опрятен. Кружева седых скрюченных волос покрывали его крохотную голову.

– Доброе утро, мой алакс! – пропищал он, весь дрожа, боясь посмотреть в сторону владыки. Слуга страшился не только своего хозяина, но и трона, на котором тот восседал. Высокий, в три раза превышающий рост даже самого высокого человека в мире, трон стремился к небесам, царапая верхушкой золотые своды. Длинные щупальца его простилались по залу, уходя под мраморный пол и стены. Огромные голубые камни, невиданной красоты, ослепляли взгляд любого, стоящего снизу. И чем сильнее отводил взгляд маленький человечек, тем больше ему хотелось взглянуть на них.

Хедрик молчал, изучая лучи света – то был свет илиуса, пробивающийся через зачарованные витражи. Он мог часами наслаждаться созерцанием расстилающихся перед ним огоньков загадочного дневного светила, и лишь в хмурые, пасмурные дни, когда они были не в силах пробиться сквозь армаду серых туч, ему приходилось возвращаться к серой реальности будней.

Ленивым движением глаз Хедрик охватил весь зал. Картинки менялись. Еще виру назад перед его глазами были белые мачты и парусники Венцовой бухты, а сейчас – угрюмые ветви золотых деревьев и пустынные поля. Морон белым пятном укрылся под сиреневыми облаками. Огоньки парящего пламени осветили лесной узор.

– Признаешь ли ты свою вину, Виктор из Кельтона?

Бездушные стояли над крошечным альбом, скрюченным от боли. Через черные маски пробивался свет зияющих дыр их жгучих глаз. Они не испытывали ни жалости, ни сострадания. Они – темные слуги. Они – каменные хранители.

– Ты опорочил нашего алакса! Магия запретна для всех тех, кто не служит ему верой и правдой! У тебя, отребье, нет клейма!

Удар. Морон окрасился кровью.

– Так признаешь ли ты свою вину, Виктор из Кельтона? – повторил каменным голосом страж. Мужчину поставили на колени. Он продолжал молчать. Рубаха сползла с его спины, оголив натянутую на кости кожу. – Тогда восполнись смелостью, – буркнул темный хранитель. – Прими боль, как друга своего.

Раздирающий звук огненного хлыста рассек воздух. Кровь брызнула во все стороны. Хедрик перевел взгляд на восток. Картина переменилась.

В это сияющее утро Норгрот, укрытый золотым светом илиуса, мог бы стать домом для доброй волшебной сказки. Серый туман прорезали нефритовые купола, веселые ручьи стекались воедино, обращаясь в речную гавань, усыпанную бумажными корабликами. Вокруг звонниц шуршало поле зеленых колосьев пшеницы.

Люд замер. Хранитель занес факел над головой юной красавицы. Ей было от силы пятнадцать лет. Она рыдала и не было слышно криков, молящих о ее пощаде.

– Магия принадлежит алаксу и больше никому. Только клейменные имеют право на ее использование. Ты, ведьма, не клейменная. Восполнись смелостью и прими боль, как друга своего!

Огоньки перепрыгнули с факела на хрупкие поленья. Вспыхнул огонь. Саламандры вцепились в ее плоть, оставляя лишь гнилые кости. Илиус прорезал картину широкими золотистыми бороздами, дождь стал бы спасителям, но небо молчало, как и молчал Создатель на мольбы сгорающей. Хедрик моргнул и снова картина сменилась. Краски перемешались. Кровавым пятном перед его глазами вспыхнул образ младенца. Он лежал смирно на руках, не плакал, хотя по его глазам читался невообразимый страх. Раздался каменный голос. От него стыла кровь в венах, земля содрогалась и звезды сгорали.

– Марунские дети принадлежат алаксу. Вы утаили ребенка, госпожа Летти.

– Возьмите его, только не убивайте его! – послышался жалобный женский голос откуда-то из темноты.

– Поздно. Слишком поздно. Вы и ребенок понесете наказание. Восполнитесь смелостью...

Алак приложил руки к лицу и глотнул запах своего тела.

Витражи, сплоченные магической связью с захваченными градами, показывали Хедрику все, что происходило на его земле за прошедший день, словно эхо из прошлого.

– Мой алак! – повторил Боттер Кнат, поклонившись. Он со страхом посмотрел на своего хозяина, но Хедрик снова не услышал, продолжая рассматривать картинки, подымая глаза все выше и выше. Наконец, слова острым кинжалом вонзились в его мысли, владыка пришел в себя.

– Да. Приступай, Боттер, – тихим голосом вымолвил алак, возвращаясь к реальности.

Боттер завозился в своих длинных рукавах и выудил оттуда пергамент. Развернул.

– Итак, – проямлил он, – доклад от двадцать пятого по двадцать шестое число сего месяца светлиона. На территориях великого алакса: норгротских, аладефских, септимских, галадефских землях и трети Харны были схвачены пять сотен душ, незаконно использующих магию. Восемьдесят шесть новорожденных были отправлены на попечительство ветниц в Лиларей, дабы пополнить ряды молодой подрастающей армии великого алакса. В Изурге снова вспыхнул мятеж под предводительством некоего Кзохана Цирданьеля, который уже больше двух лет укрывается от правосудия. На сей раз его точно поймают. За участие в тайных обществах под названием «Освобождение» две сотни гардвиков были доставлены в Аладеф и еще сотня мятежников Эльды – в септимские тюрьмы. Войско на севере подошло к Отгару, на юго-западе хранители подчинили Нидринг и окружили Алимарк. Град выдержит осаду, посему военным советом было решено направить туда марунов. Алимарк падет на днях, мой

алакс, – закончил он, еще раз пробежался по строчкам, дабы убедиться в том, что ничего не упущено.

– С Дакоты новостей нет? – спросил владыка, разочарованно. Вольные восточные земли Руны начинали ему порядком докучать. Он хотел поскорее взять их под свое крыло.

– Увы, мой алакс, нет, – Боттер искоса глянул на Хедрика, подождал несколько вир и продолжил. – Теперь, с вашего позволения, мой алакс, я зачту список тех, кого привели на сегодняшнюю казнь.

Хедрик вяло кивнул. Боттер Кнат щелкнул пальцами и в воздухе появился лист, исписанный именами. Слуга начал монотонно читать:

– Дарин Гроуз. Сто пять лет. Человек. Марун. Была задержана при попытке сбежать из града; Вурлос Кориттис. Тридцать восемь лет. Человек. Ануран. Раздавал зелья и снадобья, не требуя при этом плату; Еванлия Септа. Альвийка. Марун. Напала на отряд хранителей; Далия Летти. Пятьдесят шесть лет. Человек. Марун. Укрывала в доме ребенка-маруна; Дигори Дерледейл. Сорок пять лет. Альв. Марун. Использовал магию; Жертиниалоус Илорун. Одиннадцать лет. Фавн. Ануран. Был задержан при попытке покинуть Септим; Лири Зирум. Восемнадцать лет. Человек. Марун. Участник «Освобождения»; Хорсим Хоруттоль. Триста лет. Альв. Марун. Убил трех фандеров в Мглистом лесу...

Лист трясся в его руках. Боттер все бормотал и бормотал, и может его голос был настолько тягостен, или холодная ночь была настолько тревожна, но Хедрик начинал засыпать, мало-помалу проваливаясь в глубокий сон.

Кнат говорил еще о Эргорте Нерфинте, Мафет Кралиогне, Терибти Ольс. Говорил о каких-то лицах, затеявших мятеж, о странных магах из Харны, что подожгли конюшни с имдомпскими¹ жеребцами. Говорил, говорил...

– Хорошо, Боттер, – откликнулся алакс сонным голосом, когда список подошел к концу. В глубине души Хедрик был этому несметно рад. Он выпрямил ноги, что мало-помалу начинали затекать, и посмотрел сверху-вниз слегка слипшимися глазами, – Можешь готовить осужденных.

Владыка встал. Медленно спустился по узким ступеням и недовольно потер ботинками по лазурному ковру, лежавшему на безупречно чистом мраморном полу зала.

– И прикажи постелить новый ковер. Чары этого обветшали, к тому же он мне порядком надоел!

Потянувшись, алакс отправился на кухню добыть себе что-нибудь съестное.

Хедрик прошелся по мосту, сооруженному из светло-розового турмалина, что связывал левое и правое крыло замка. Мост парил в воздухе, в нескольких лимах над морем и острыми скалами обрыва, продуваемый всеми ветрами и лишь в морозные зимние дни накрываемый теплым куполом защитной магии. На туну алакс остановился, чтобы еще раз взглянуть на свои земли.

Септим, опаленный багряными лучами илиуса, заслоненного крошечным кругом Ремени, растелился белым пятном по берегам Линистаса. Поток домов, разделяемых зелеными лужайками городских садов, крытых оранжерей и скверов, мчался вдаль, с одной стороны пропадавал за речными берегами у хмурого редколесья Туманной чащи, с другой – возвышался холмами и взлетал чуть выше Дарка в незримые небесные просторы. Возвышенные и величественные храмы четырех главенствующих религий теперь уже не были такими, какими он увидел

¹ Имдомпская порода – благородная конская порода Руны, одна из самых редких и ценных на Эйлисе.

их в первый раз. Алакс не любил суеверия. Единственным богом на всем Эйлисе нынче был он и никто иной. Ему нравилось восхищаться своей властью день за днем, год за годом.

Зал наполнялся запахами цветов, ранним утром принесенных из Мглистого леса. Синие лепестки источали жгучий аромат, ядовитые шипы, ни раз погубившие неосторожных слуг, весело глотали свежую росу и капельки чьей-то крови. Потолок, на котором каждый день появлялся новый узор, сегодня был укрыт райскими птицами. Окна по правую сторону зала открывали вид на внутренний сад с маленьким малахитовым фонтаном.

Кухарки Дарка прекрасно знали, что любая оплошность, и им не досчитаться душ, а посему стол был накрыт безупречно. Здесь были и тушеные овощи в молочном соусе, и макароны в несколько лим в длину, и яичница из златоцвета², и разнообразные каши из всевозможных сортов пшеницы. Сладкие съедобные подносы ломились от всевозможных сладостей: конфет, булочек с маковой, клубничной, яблочной, ореховой и сырной начинкой. Фонтан из горячего шоколада неустанно шептал что-то приятное, хрустальные вазы трещали, переполняемые свежими неопикуемыми фруктами разных форм и размеров.

Обычно Хедрик завтракал один и сегодняшний день не был для него исключением. Он нашел для себя одиночество и не считал нужным разыскивать что-то еще.

С завтраком к нему хлынули силы. Настроение улучшилось. Вдоволь наевшись и порасуждав о своем, алакс вернулся в тронный зал. На пол постелили новый ковер светло-голубого цвета с вшитыми в него темно-синими топазами, в углу появился черный рояль, а рядом с главной аркой – пленные, со всех сторон ограждаемые хранителями. Бледны, избиты, худы. Их испуганные лица были направлены к Хедрику и только к нему. Жалкие тряпки, измокшие от крови и грязи, – все, что прикрывало их наготу. На руках каждого – тяжелые оковы, сдавливающие хрупкие запястья.

Хедрик прошел в центр зала и поднялся на трон. Гул от ударов его каблуков кровью забился в ушах напуганных жертв. Наступила мертвая тишина. Он развернулся и сел, бросив безразличный взгляд на столпившихся. Все встрепелось. Смерть встала за его спиной.

Алакс поглядел сверху-вниз. Он был готов сделать то, для чего все они собрались здесь, но что-то остановило его. Хедрик направил взор к пустующему месту у рояля. От скудного затишья в голове все переворачивалось. «Она снова проспала!» – подумал он и тут же услышал легкие удары тонкой шпильки о мраморный пол. Хватая последнюю надежду, плененные и беззащитные направили свои скованные взгляды в сторону идущей. Алая пелена загорелась перед ними и ослепленные, они пали на колени. Из угла показалась тонкая женская фигура. Девушка, та самая, что сегодня утром так нежно спала в белоснежных покоях, теперь была здесь. Шелковое платье багрового цвета облегло ее фигуру, нежный шлейф развивался за ней огнем. Она шла, наигрывая пальцами веселую мелодию. Пепельные локоны ее волос были собраны, глубокие зеленые глаза глядели прямо.

Слегка улыбнувшись алаксу, она села у рояля. Хедрик качнул головой в ответ, напрягся и попытался искренне улыбнуться.

– Что ж, – начал он, чувствуя, как голос пропадает при одном лишь взгляде на нее, – начнем.

«Нет! Умоляю!» – вдруг закричала альвийка, и тут же тяжелый удар плетью пришелся ей на голую спину. Тлеющая искра черной крови осыпала мрамор. Дети прижались к друг другу, мужчины попытались высвободиться. Каменным скрежетом толпа была успокоена.

– С кого начать? – послышался голос Боттера, присоединяющийся ко всеобщему страху.

– Ах, Боттер, ты прекрасно знаешь, с кого бы я начал! – всплеснул руками Хедрик. – Но ни от тебя, ни от хранителей никаких вестей о них нет.

² Златоцвет – плод златоцветного дерева.

– Умоляю, простите, мой алакс, – пискнул слуга, заикаясь, – я и хранители делаем все, что в наших силах!

– Что ж, будем довольствоваться малым, – Хедрик состроил унылую гримасу. Толпа завершала.

– Дарин Гроуз, мой алакс, чародейка. Женщина пыталась перейти через купол Септима у границ с Изургом. От стражи решила бежать, используя магию.

– М-да, – потянул Хедрик, высматривая в бледных лицах лицо будущей жертвы, – как же так, Дарин? Неужели ты не слышала, что по приказу Великого алакса все маруны должны пройти обряд «*Жатвы повиновения*»? Нехорошо уклоняться от приказов. Разве ты когда-нибудь уваливала от воли Мудрых?

Из толпы послышались всхлипывания. Пленные расступились, в центр хранители выволокли женщину. Она дрожала всем своим дряхлым телом. Обугленные кусочки кожи сползали с ее левой руки, один глаз затек, редкие обожженные волосы торчали грязными пучками. Она попыталась вырваться, но стражники загородили ей путь тяжелыми остриями пик. Ее подвели к ковру, и как только она ступила на него, тело избавилось от ран, глубокие морщины ушли прочь, очищая каждую крупцу ее помолодевшей кожи. Старая одежда, напоминающая о том, что она все еще пленница, исчезла, Дарин Гроуз оказалась облаченная в легкую полупрозрачную накидку. Это было нечто иное, как чары, вернувшие ее воспоминания о давних забытых днях ее молодости. Это колдовство принадлежало ему.

– Боттер, как насчет зеркал? – неожиданно спросил Хедрик, неохотно подымая взгляд на девушку. Каждый день к его трону прислонялись сотни таких красавец. Ничего особенного в юной красоте его пленниц он больше не замечал. – Все они уже перенесены в Галадеф?

– О, да, мой алакс! – встрепнулся Боттер, готовый ответить на любые вопросы владыки. – Все до единого в башне. Новые будут доставляться балеонами.

– Хорошо, – протяжно вымолвил Хедрик и встал. Дарин, с ужасом падая на колени, неожиданно закричала во все горло нечеловеческим криком.

– Сатаил! Темный волшебник! Убийца! – завершала толпа. Послышались немощные стоны. Они лишь позабавили его. Волшебник, как назвала его Дарин (и это было чистой правдой), подмигнул девушке за роялем, и та начала наигрывать веселую мелодию. Хедрик подошел к женщине, и, взяв ее за подбородок, заставил подняться и посмотреть в его глаза. Она рыдала, она была не готова принять свою участь, свою судьбу. Алакс прислонился к ее уху и прошептал:

– Попрощайся с сим миром красиво, моя чародейка, ведь больше ты его никогда не увидишь.

Ее глаза судорожно бросились в сторону света, что изливался из витражей. Она попыталась найти в нем что-то важное, что-то особенное, но не смогла. Хедрик дал ей время полюбоваться последним мигом ее жизни, а затем...

Затем произошло нечто из вон выходящее, и, оказись случайный путник, пришедший из других мидгардов или заброшенный сюда волею провалов, свидетелем сего, вовсе оцепенел бы от ужаса представшей перед ним картины.

Владыка провел тыльной стороной ладони, начиная от самого сердца жертвы вверх, к искореженным болью губам. Лицо побледнело, женщина забилась в предсмертных судорогах, белки глаз налились черной кровью, губы распахнулись, она выдавила удушательный крик и из ее рта вылетел крошечный шар света. Дарин упала замертво, ее облик снова вернулся к ней. Исчезла магия – исчезла красота. В толпе пленных раздались крики, трепыхания, и стихло. Замолчала музыка рояля. В зале наступила мертвая тишина, теперь – по-настоящему мертвая.

Женщину унесли. По мраморному полу про скользили ее тонкие пальцы, оставляя за собой след призрачного холода. Послышались тяжелые шаги каменных людей. Хедрик сел на трон без какого-либо сожаления о только что содеянном, начал рассматривать сияние, у себя

на ладони, под пристальным взглядом сотен, потерявших надежду на какое-либо сожаление или спасение.

– Мм... Земная душа. Она явилась в этот мир червоточинами. Любила Землю и полюбила Эйлис.

Алакс всегда говорил о душах тех, кого уж более не было в живых. Каждая душа рассказывала ему свою историю, порой непредсказуемую и невероятную. В каждой из них было что-то, что удивляло его сильнее, чем любое колдовство во всем белом свете.

– Дарин родилась в морозный зимний день, – продолжил он, подбрасывая в воздух пульсирующее сияние, – шла вторая видха Пургаса. Чародейка была долгожданным, единственным ребенком в семье – так уж сложилось в их роду: женщины не могли попросить у Создателя больше одного. Она знала любовь. Увы, не долгую. Ее суженый погиб, убитый фандером – это так прискорбно, – Алакс наигранно достал из кармана платок и вытер глаза от вымышленных слез, – Особенно, когда в семье работал только он. Сына ей пришлось воспитывать одной. Нужно найти его. Помочь смириться с утратой.

Боттер Кнат без каких-либо сомнений уловил скрытый смысл сказанного, вытащил пустой лист бумаги и перо. Записал: *«Сын Дарин Гроуз. Возможно, марун. Найти и клеймить»*.

– Люблю невинные души, – улыбнувшись, сказал алакс, положил сияние себе в рот и проглотил. Все его тело тут же наполнилось сладостной силой и невероятной энергией.

Девушка играла, легко перебирая пальцами по клавишам. Илиус уходил за горизонт. Зал опустел. Боттер Кнат заверил печать на пергаменте и отдал хранителю. Все закончилось. День подходил к концу.

Что разбудило его в такое раннее время, он не знал. Что-то тревожило его сильнее, чем когда-либо. В памяти всплыли давно забытые картинки из прошлого. Он хотел уйти от назойливых образов, но они вновь и вновь появлялись перед ним, обнаженные и истерзанные временем.

Глаза распахнулись и мир вокруг приобрел смутные очертания. Хедрик сел, спустив ноги на холодный пол, и попытался прийти в себя. Голова гудела, тело ныло, словно чувствовало внутри что-то чужое, что-то постороннее. Алакс не мог понять в чем причина его недуга. Может, виной тому был сон, терзавший его уже который день, и который он никак не мог запомнить?

Мороз прокрался через закрытые окна. Хедрик съезжился, хотел было вернуться под одеяло, но ноги совершенно не желали находиться в покое. Он встал и перед глазами все почернело. Отбрасывая темноту на потом, владыка подошел к балкону и, ослепленный утренним светом, вдруг вспомнил. Нет, не сон. Он вспомнил те дни, когда впервые прибыл на Эйлис. Зачем? Почему сейчас? Хедрик не знал. Воспоминания отбросили его на двенадцать с лишним лет назад. Случилось это не так давно, как могло бы показаться. Время на Эйлисе имело совершенно другую цену.

До того момента Руна была чистым листом, на котором никто не оставил пятна власти. С первых дней своего существования в этом времени и в этом месте Хедрик знал, чего хотел. Никто не ждал от простого юноши, изворотливо лгушем о своем истинном даре к магии, великих свершений. Никто не ведал, откуда родом он, для чего пришел в сей мидгард, какие цели преследовал. Его подлинная сущность была раскрыта слишком поздно.

Все началось стремительно, ни одна живая душа не успела ничего понять. Алакс вошел на норготские земли, за ним – армия темной, непобедимой нежити, не знающая ни боли,

ни жалости, оставляющая за собой выжженную землю. Все взгляды обратились к Мудрым, но Мудрые молчали, ибо ветницы первым же делом избавились от них.

Как все затрепетали перед его мощью! Никто не был готов – он появился как из неоткуда. В первый же день пала столица запада. Битва была недолгой. Уже на следующий день войско алакса отправилось покорять Мюрсэ. Крепость была предупреждена о надвигающейся атаке. Альвы, не имеющие при себе ни оружия, ни умелых магов, не смогли бы сдержать удар, они отправили гонцов в Септим, однако Хедрик их перехватил, и крепость пала за один вечер. Мюрсэ, стоявшая на пересечении всех дорог, открыла ему новые горизонты.

Хедрик накинул смятую рубаху и улыбнулся своему отражению усталой улыбкой. В последние годы ему часто приходилось думать о всевластии. Несмотря на то, что в его руках были бескрайние территории, ему было мало тогда и сейчас. Ему нужно было что-то большее, чем просто власть над душами. Тревога никуда не ушла. Хедрик решил глотнуть свежего воздуха и очистить голову от дурных мыслей, спустился вниз по широкой мраморной лестнице на площадку, открывающую вид на усеянные златоцветом поля. Схватившись руками за радужные перила, он возвысил взгляд к седеющему небу. Небо еще не свыкло с тем, что ночь подходила к концу. Тень илиуса растворила в себе огни города, запрятала следы иных светил. Едва различимый золотой полукруг занял положенное место на горизонте. Небо окрасилось зеленым. «Гнусный болотный цвет» – подумал он.

Мысли опять закружились в его голове. Он успел многое позабыть, но самые важные события и цели навечно запечатлелись в его памяти.

Через видху Хедрик захватил Кельтон, затем – Эльду, Эрос, Аладеф... Все было так легко! Руна разучилась воевать. Единственными, умеющими держать оружие в руках, были тысячелетние старики, сохранившие в своей вытертой памяти отрывки битв давней Эры. Маруны пытались бороться, но что могли сделать всемогущему те, кто не видел крови, кто позабыл, что такое боль, страдание, утрата, смерть? Магия давала им несметную силу, однако они не умели пользоваться ей должным образом, боясь причинить вред себе и другим. Хрупкие поселения один за другим подчинялись алаксу, даже не пытаясь сопротивляться, даже не умея сопротивляться.

Один сплошной страх лишь перед слухами, переполнявшими грады, заставлял гардвиков биться в агонии.

– Совет Мудрых повержен! – красовались ярко-красные надписи на окнах. – Эйлису пришел конец!

– Никому не спастись! – дрожало у каждого на устах. – Он пришел с запада, он – темный потомок Гомена!

– Он сатаил в облике человека! – кричали на каждом углу.

– Нужно бежать, пока не поздно! – советовала себе и другим каждая живая душа, и многие слушались этого совета. Многие сбежали. В те годы Руна потеряла треть населения.

К септимским землям Хедрик приблизился на седьмой месяц своего похода. Не было сомнений – столица уже его. Ветницы поддержали его правление. Ведьмы и колдуны склонили перед алаксом головы.

В Септима Хедрик решил остановиться. Борьба порядком измотала его. Ушли годы на то, чтобы вернуть себе силы. За это время алакс успел объединить разрозненные земли под своей властью, научил гардвиков жить в новом мире, и построил свою империю. В конце концов, он решил продолжить битву не только за Руну, но и за весь мидгард. С тех пор прошло десять лет, и война снова началась.

Нет, сегодня его ничего не радовало: ни чарующие звездные гавани, ни теплые молочные облака, ни алая полоса зари на востоке. Вроде бы все было как прежде, но что-то было не так. Он решил найти источник своих тревог и первым же делом алаксу захотелось взглянуть на дальние аладефские земли, откуда долетали отголоски чужих душ, что продолжали питать его даже на расстоянии. Хедрик щелкнул пальцами и рядом появилась подозрительная труба. Он навел ее на горизонт Линистаса, подумал о том, чего хотел, и тут же мир перед его глазами переменялся. Мимо пролетели лесные пуши, сады, горные хребты и вершины, за бескрайними просветлевшими полями проявились силуэты сочных красок, утонувших в черной пучине. Расстояния промчались в один миг и перед ним предстала башня Аладеф. Черная. Пустая. Безжизненная. Тучи сгущались под ее куполом, удары молний и грома разносились далеко от ее окрестностей. Она была воплощением Дэзимы. Она не стояла на месте. Каждый ее этаж, каждый лестничный пролет крутился, менял свое направление в лихорадочном танце хаоса. Аладеф была глубочайшей бездной, уходящей как высоко к небесам в земли Гексиоды, так и глубоко вниз, к самому сердцу Руны и всего мидгарда.

Хедрик, как никто другой, знал Аладеф, да и кому, как не волшебнику, создавшему ее, знать, что она такое. Башня – узилище для всех тех, кто превратился в источник его сил. Сбежать не удастся никому – в этом владыка был уверен. В ней он запер марунов и ануранов, отрекшихся от него, отказавшихся служить ему. Ведьмы, маги, чародеи, колдуны, простые ремесленники и кузнецы – все они были собраны под одной крышей. Хедрик на мгновение представил, что творилось сейчас внутри. Башня опустошала души, поедала их похлеще, чем он сам. Смерть от его руки для тех, кто был заперт в узилище Аладеф, показалась бы лучшим исходом. Башня не жалела никого. Она разрывала на кусочки всех, от мала до велика, от еще не рожденных, до тех, кто уже превратился в мгновение.

На нее ушло столько энергии! Алакс помнил, как отдал всего себя, а затем видхи лежал без сил в Дарке. Эта башня опустошила его – сильнейшего волшебника всего Эйлиса, да что там! Всего Семимирия!

– А теперь ты отплачиваешь мне сполна, – сказал он сам себе. Расхохотался.

– Прекрасное утро создано для того, чтобы полюбоваться нашим творением, наш алакс!

От неожиданности Хедрик слегка вздрогнул и выронил подозрительную трубу. Не долетев до пола, она растворилась в воздухе. Все мысли тут же улетучились, скрывшись за горизонтом болотного неба.

Алаксу было совершенно все равно – слышал ли его подошедший, видел ли он, как владыка содрогнулся, словно маленький напуганный мальчик – все безразлично. Он неохотно обернулся. За ним стоял, перебирая копытцами, Котт Скоттер, один из его помощников в создании Аладеф, нынче служивший наблюдателем при Дарке. Растрепанные волосы Котта торчали в разные стороны, в жизни не выдавшие гребешка или расчески, разрывающиеся надвое крошечными козлиными рожками. Маленький ростом, он был похож на карлика. Козлиная борода находилась в постоянной войне с длинными кошачьими усами, хитрые глаза бегали в разные стороны, не способные замереть на чем-то одном. Довольно глубокий ум даровали ему небеса взамен здравому смыслу. Все прекрасно знали: Скоттер давно вышел из ума. Хедрика часто забавляли и выводили из себя его необоснованные ничем поступки и потешные выходки. Сотню раз он хотел избавить мир от безумца, но каждый раз его останавливало то, что без Котта в замке станет совсем тоскливо.

– Мы думаем, здесь самый лучший вид. Вид самый лучший. Прекрасный, не правда ли? – продолжил непринужденную беседу гургул, подойдя к владыке и взявшись за ажурные поручни. Два глаза на виру замерли, оглядываясь в пустоту. Один – серый, другой – желтый.

– Да, – процедил Хедрик, стиснув зубы. Сегодня алакс был не в настроении с кем-либо разговаривать.

– Все время нам повторяю: какие же мы молодцы! – заявил Котт, погладив себя по затылку. – Это ж надо такое сделать! Невероятное произведение. Вы помните, наш алакс? Тысячу и две ночи мы собирали ее по крупичкам из чистой черной магии. Потрясающе! – Котт подскочил от собственного восхищения. – Никогда бы не подумали, что мы, – он запнулся и воспользовавшись тем, что Хедрик на него не смотрит, скорчил недовольную гримасу, – и вы, разумеется, сможем создать такой шедевр! Кстати! – последнее слово он проорал во все горло, отчего у алакса зазвенело в ушах. – У нас к вам созрел давнишний вопрос, который мы никак не могли вспомнить... Вспомнили! Можем ли мы спросить вас, алакс?

– Спрашивай, раз уж вспомнил, – недовольно ответил владыка.

– В тот триста двадцать пятый день, наш алакс, в башню привезли врата.

– Врата? – удивленно переспросил Хедрик, делая вид полного недоумения.

– Да, наш алакс, *Заврад Контиум* – врата из чистейшей златоцветной кожуры. Превосходная альвийская работа. Им тысячу лет, не меньше. Зачарованные. Таких чар мы прежде не встречали. Если мы правильно поняли, они открываются только альвам, зачаровавшим их, или тем, у кого есть ключ. Мы сделали все так, как вы и сказали: поставили врата, зачаровали темницы знаками и прочее... Зачем, наш алакс? К чему все это было?

Хедрику не нравилось то, чем был заинтересован безумец. Никто не должен был знать о златоцветных вратах. Никто.

– Понимаешь ли, дорогой Скоттер, – начал волшебник, отрывая взгляд от небесных берегов, – на твой вопрос нет ответа, а если ты и дальше будешь им задаваться, упоминать его в разговоре с другими, то в скором времени получишь клеймо на руку или еще хуже: окажешься среди тех преступников, кои будут лежать у моих ног без души. Тебе все ясно?

Хедрик мило улыбнулся, и от его улыбки кто-угодно бы умер от страха. Котту было все равно. Не горя желанием вбить сказанное в голову слуги, алакс поспешил удалиться, оставив наблюдателя в полном недоумении. На туну на лице у гургула всплыла маска понимания, но тут же спала, и он начал считать невидимых мух.

Она продолжала спать, будто бы и не просыпалась. Ее пепельные волосы обдувались легким весенним ветерком, кроваво-красные губы вздрагивали, пытаясь отбиться от страшных снов, иллюзий и смутных ведений из ее прошлого и настоящего. Сегодня ее мучили кошмары, так же, как и его. Алакс мог бы разбудить ее, избавить от терзаний и страхов, но он этого не делал. Волшебник продолжал наблюдать за спящей, казавшейся невинной и немощной, казавшейся одной из тех, кто был под его властью.

«Интересно, – подумал он, – видит ли она тоже самое? Чувствует ли тоже самое?». Хедрик не мог узнать ответов на свои вопросы. Спросить у нее самой он бы никогда не отважился. Больше всего на свете он боялся того, что она ответит ему: «Да».

Ее пальцы невольно сжали подушку, она вскрикнула, и Хедрик решил спасти бедняжку от безжалостных оков дремы. Он наклонился, неохотно поцеловал ее в холодную щеку. Она будто бы не почувствовала, но уже через виру ее сонные глаза приоткрылись. Девушка непонимающе огляделась и, подцепив взгляд алакса, полный недоумения, улыбнулась, обнажив хищные белые зубы. В этой улыбке было нечто устрашающее, леденящее душу и затуманивающее разум.

– Доброе утро, мой алакс, – сладко прошептала она, протирая глаза. – Ты пришел лично сопроводить меня на *Жатву*?

– Неужели я не могу заглянуть к тебе просто так? – обидчиво произнес он, выпрямляясь. – Может быть я соскучился!

– Ха! Соскучился? – иронически усмехнулась она. Девушка легким движением руки убрала волосы за спину и приподнялась. Шелковая простыня сползла с ее плеч, оголив до пояса. Хедрик невольно отвел взгляд. – Я ждала тебя, Хедриан, – сказала она, торжествуя своим превосходством. Девушка посмотрела на него пронизывающими ярко-зелеными глазами и торжество испарилось. Подавленный вид владыки ее не воодушевлял. – Что с тобой, мой алакс?

В ее голосе он различил легкое раздражение. Безразличие.

– Ничего! – пробормотал Хедрик неразборчиво. Он и сам не знал, что с ним происходит. – Все хорошо. Прекрасно!

– Значит мне показалось, – пожав плечами, она начала игриво ходить двумя пальцами, подкрадываясь к его сжатой в кулак руке. – Раз уж ты здесь, то ответь: ты разобрался с зеркалами?

– Все зеркала перенесены в Галадеф.

– Во славу Элигора, ты, наконец, это сделал! Я уж думала: сойду с ума от этой мерзкой белой магии! – она подхватила его за обе руки и заставила подойти к ней вплотную. – Что насчет Эйлиса?

– Скоро ты будешь довольна, – устало вымолвил он. – Вчера мы подчинили Нидринг, сегодня – Алимарк. Армия хранителей уже под Отгаром, а значит земли Дакоты не за горами. Востоку остается жить считанные виды.

– Зачем нам восток, Хедриан? – возмутилась она. – Сейчас главное заполучить Горкас, ты сам прекрасно знаешь! Ветницы не могут вечно отслеживать и уничтожать каждого, кто уходит и прибывает с северного материка. Рано или поздно какой-нибудь маг прорвется и доложит остальным о том, что творится в сердце их мидгарда. Рано или поздно маги сами догадаются, что нынешние Мудрые не те, за кого себя выдают.

– Дай мне еще время, – Хедрик попытался нежно улыбнуться, но у него это плохо получилось.

– Ладно. Я подожду. Я подожду, Хедриан, – девушка заставила его встать на колени. Их лица оказались на одной высоте. – И еще раз напомню тебе, что мы в преддверье Слияния. Горкас нам нужен сейчас, когда маруны еще слабы, когда магия – пустой звук.

Она погладила его по волосам. Алаксу стало не по себе.

– Что тебя не устраивает? – спросил он, читая в ее глазах недовольство. – Мало сердец? Сколько еще их нужно?!

– Тысячи, мой алакс, миллионы, миллиарды сердец! Их никогда не бывает много, – она крепко поцеловала его и прижала к груди. Хедрик услышал каменные удары ее сердца. – Что ж, давай хоть на часок забудем обо всем этом. Я хочу побыть с тобой в мой последний день в этом мире.

– Может ты все-таки останешься? – жалобно потянул волшебник.

– Нет, Хедриан. Мы с тобой все давно решили. Я не могу пропустить коронацию лорда Элигора. К тому же я очень устала. Эйлис – ужасный мир для таких, как я. Мне плохо. Я хочу домой.

– Я еще не готов питать всех своей магией!

– Ты готов, мой алакс, готов. Ты – сильный, могучий волшебник, на Эйлисе нет никого, кто мог бы противостоять тебе. Настанет день, когда все Семимирье будет твоим, – прошептала она, осыпая его поцелуями. – Я вернусь, и мы снова будем вместе. Тебе надобно будет подождать всего-то шесть с половиной месяцев! Для бессмертного – это одна вира.

Алакс был готов сгореть в ее объятиях, но она резко отстранила его и со всей серьезностью посмотрела в глаза.

– И еще, алакс. У меня предчувствие. Нехорошее предчувствие.

– Отчего же? – он присел рядом с ней, девушка положила хрупкие ноги на его колени.

– Сегодня ночью мне снился сон. Все начиналось так спокойно в этом сне. В нем я видела тебя. Не одного. Ты был с другой, Хедриан.

– Ты ревнуешь? – засмеялся он.

– Не в этом дело! – недовольно фыркнула она. – Сон был как наяву. Вы шли под тенью деревьев, потом морон явился из темноты... Феюрия сеяла кровью так близко, что занимала весь небосвод. Незнакомка стояла в тени, я не могла ее разглядеть. Прозвучал колокол. Стрела вонзилась в твое сердце. Ты умер, мой любимый. Я похоронила тебя.

Хедрик захохотал.

– Ты же знаешь, меня не...

– Я знаю. Просто будь осторожен, ладно? Мне надоело рисковать. Можешь считать меня помешанной на безопасности ведьмой, но прошу тебя, когда будешь готов, очисти Дарк от неклеимых. Заклейми всех служанок и прислужниц, иначе – убей. Я больше не желаю видеть ни одну девушку в замке без Дэзимы на руке.

Они оба ощущали одно и то же. Нечто разбудило его и мучило ее. Хедрик шел по коридорам, рассуждая о том, что же все-таки с ними случилось. Поев, он ощутил себя полным энергии, но что-то продолжало его тревожить. Несколько тун алакс простоял на распутье, долго думал, куда идти. Решил отправиться в сад и насладиться весенним днем.

Зеленое небо продолжало ему не нравится. Ремени завладела небосклоном, скрыв за собой илиус, отчего земля превратилась в нечто темное и грязное. Сад вводил его в еще большую грусть, поэтому Хедрик решил усердно следить за хрустальной водой в фонтане, что крутилась в воздухе, словно заводная, а затем падала вниз, сокрушая драгоценный малахитовый камень. Он увидел, как через крошечное отверстие проливаются капли и стекают вниз на желтые головы одуванчиков, как те радостно дребезжат от холодного прикосновения. И тут его осенило: все это время он ощущал не тревогу, не смятение, он чувствовал бреши в магии, с ночи, окружающие его. Кто-то или что-то забирало часть энергии себе, оставляя алакса без должной силы. Вот почему ему было так плохо! Магия обходила его стороной, устремляясь к кому-то еще.

– Ни чародеи, ни маги на такое не способны. Может виной тому Феюрия? – предположил владыка, подняв голову к запытавшейся под облаками точке. Феюрия была далеко. Хедрик задумался. – Не могли же мои рохли, наконец, поймать их!

В последнем алакс был уверен меньше всего, но все же решил проверить. С трудом сдерживая себя от волнения, владыка кинулся в зал *Жатвы*, однако там его ждало одно только разочарование. Боттер Кнат ничего нового не сказал. Ничего особенного. В замок снова потянулись колонны пленных со всех уголков Руны, Хедрик испил души из каждого, но бреши никуда не исчезли. В конце концов алакс позабыл о них, ведь в Дарке больше не осталось невинных душ.

Морской бриз ворвался внутрь через открытые ворота и заполнил собой весь зал. Прошло шесть часов после его тревожных мыслей. Хедрик изучал старую книгу Мэрил Юрс, разлегшись на троне поперек. Его бледные пальцы медленно перелистывали страницу за страницей, глаза неустанно смотрели на черные буквы, аккуратно выведенные легкой женской рукой. Пока владыка был занят чтением, Боттер стоял на посту и дремал, тихо посапывая и обращая свои сны в ведогонь-мотыльков; хранители сторожили тишину, а за огненными витражами гудел ветер и желтое небо (нынче оно стало именно таким) заливало зал золотом. Можно было подумать, что в Дарк ворвалась госпожа Полная Гармония.

Тяжелые удары железных сапог заставили Боттера подскочить с места. Полупрозрачные мотыльки испарились. Из неоткуда появился агасфен, облаченный в сиреневую броню.

За годы своего правления Хедрику довольно быстро поднадоело командовать всем. Он разделил нежить по рангам и разослал на войну по всей Руне, сам же оставаясь править в Дарке. Так, среди хранителей были: простые войны – его слепые марионетки, которых называли *мори*, *кинарданы*, возглавляющие армию мори, посланники – *тосгарды*, поддерживающие мир на захваченных территориях, и *агасфены* – главы военного совета. Один из последних только что вошел в зал. Каждый его шаг сотрясал хрупкие своды, тяжелое дыхание наполняло комнату запахом угля.

Поклонившись владыке, агасфен передал Боттеру скомканный свиток. Ушел. Слуга, пару вир поборовшись с печатью, развернул его и прочитал. Его маленькие глазки засияли, лицо покрылось морщинками от широчайшей на свете улыбки. Кнат прочистил горло:

– Мой алакс, только что доставили еще одного пленника!

– Я думаю, на сегодня хватит, – сказал Хедрик, не отрываясь от книги. Черный фрак его смялся, венец съехал на лоб, волосы растрепались. – Отправь его в темницу. Завтра я разберусь с ним вместе со всеми.

– Но, мой алакс, это особенный пленник. Из Дакотских земель.

На мгновение в глазах владыки вспыхнула заинтересованность, но тут же погасла. Сейчас Дакота интересовала его меньше всего. После слов юной красавицы с пепельными волосами он думал лишь о Горкасе.

– Если это не *ваттер*, то я к нему равнодушен. Дарю его тебе, милый Боттер, – заявил Хедрик, удивляясь собственной щедрости, – делай с ним все, что пожелаешь. Мне безразлично.

– Нет, мой алакс, это не *ваттер*, но уверен, – не унимался слуга, – этот вас заинтересует и обрадует не меньше. Пленник уничтожил целый отряд хранителей!

Последнее Боттер произнес с крайним восхищением. Хедрик опустил книгу и поднял тяжелый взгляд.

– А ты, Боттер, как я погляжу, рад этому, – подметил владыка. Боттер с ужасом в глазах попытался сказать: «Нет, что вы, мой алакс! Ни в коем случае!», но у него получилось лишь: «Не... ммм... не...». – Довольно! Хватит! Скажи мне, кто же такой смелый?

– Помните, мой алакс, десять лет назад, – туманно начал Боттер. Алакс помнил. Те годы были самыми сложными для него. Тогда он успел многое натворить и, наверное, в глубине души сожалел об этом. – Десять лет назад это случилось. Тогда еще материк был повержен дурной скверне альвиона...

– Говори прямо, Боттер! – не выдержал владыка. – Не утомляй меня. Кто он?

Боттер Кнат перепрыгнул с ноги на ногу, скомканный свиток протянул алаксу.

– Не он, мой алакс, а она, – высушенным голосом сказал он, наклоняя голову. – Вторая.

Он почувствовал, что больше не может сидеть. Хедрик подскочил. Книга с грохотом рухнула на пол. Сердце забило, глаза налились кровью. Земля ушла из-под ног, голова необъяснимо закружилась, лицо побледнело. На фоне золотых витражей алакс стал похож на серое пятно пара.

– Этого не может быть, – попытался сказать владыка, но смог выдать лишь невнятные звуки. Собрался. – Как она смогла?...

Слуга был удивлен и встревожен не меньше.

– Не знаю, мой алакс, честное слово – не знаю. Такое никому не удавалось. Хранители ее еще не допрашивали, балеонами отправили сразу к вам. Она ничего не говорила. Единственное, что известно наверняка, это то, что пленница – именно она – Вторая. Вторая жива, мой алакс.

Дрожащей рукой Хедрик выхватил сверток из рук слуги. Пропустил пустые слова и перешел к самому главному:

«Земли Дакоты. Лес Зормана.»

Двадцать пятое число сего месяца.

Человек. Марун. Доставлена в связи с доказательством вины в преступлениях против великого алакса, а именно: незаконное использование магии, нападение на хранителей алакса (убиты мори, трое кинарданов зачарованы), нападение на фандеров (тридцать окаменело), уничтожение склада с оружием и провизией отряда «Восток», укрытие марунов от правосудия, распространение идей всеобщего восстания...»

Хедрик не стал читать дальше. Он сжал сверток, превратив его в скомканный шар, вспыхнувший голубым пламенем. На лице заблестел яростный оскал.

– Мой алакс? – испуганно прошептал Боттер, прижимаясь к колонне.

– Прикажи ввести! – процедил владыка через зубы.

Боттер поклонился и выбежал.

Вторая – вот кого он действительно не ожидал увидеть. Именно она создавала брешу в магии все это время, никто иной. Она была не просто человеком, не заурядным маруном. Нет. Только не Вторая.

Туны показались Хедрику вечностью. Он не мог больше ждать. «Почему она здесь? Почему жива?! Какая такая магия смогла привести ее сюда? Невозможно! Просто невозможно!» – кричало все. Послышались шаги. Хедрик выдохнул, выпустив наружу весь воздух, попытался успокоиться. Ноги отказывались слушаться, но он унял их и вернулся на трон. Сел и попытался привести себя в порядок.

В зал строем вошли хранители, вооруженные мечами и пиками. Двое мори выволокли кого-то. Алакс с трудом смог различить темный силуэт.

– Что с ней? – спросил он, ухватившись взглядом за серую повязку на глазах, измазанную кровью.

– Когда ее схватили, мой алакс, она вела себя как магесса. Стража, конечно же, попыталась найти проводник, но его не оказалось. Она управляла магией без него. Кидалась проклятиями, темными чарами. Мори решили, что она ветница, а ветницы, как известно, колдуют глазами. Пришлось ослепить ее *делисом*³.

– Почему же *делисом*? Надобно было горящими углями, – громко сказал владыка. Боттер хотел что-то ответить, но алакс пальцем приказал ему молчать. Владыку интересовало то, как она отреагирует на его слова. Пленница молчала, ни одна эмоция не проскользнула на ее лице.

– Вывести на ковер! – приказал он, закрыл глаза и сосредоточился. Хедрик решил, что так даже лучше. Она не будет его видеть.

На миг ему показалось, что зал превратился в одну светлую материю. Его магия столкнулась с ее и слилась воедино. От брешей воздух завибрировал и витражи задрожали. Хедрик взмахнул рукой и все успокоилось. Время замерло. В окружении хранителей, в любой тун готовых нанести удар, стояла она. Она была прекрасна. Хедрик узнал ее с первого взгляда. Прошло ровно десять лет с их последней встречи. Она стала еще красивее, еще сильнее, но облик ее и возраст остались прежними. Сколько силы теперь было в этих крошечных кулачках? Насколько ее магия возросла с того самого дня?

Она стояла и не шевелилась, не отводя голубых глаз от пустоты. Два огромных глаза, сотканых из морозных льдинок. Он, Хедрик, знал – это обман. Ее глаза – единственное, что сейчас могло обманывать. Они не были голубыми. Магия в ней стала сильнее и теперь в этих глазах не было постоянства. Брови нахмурены, розовые губы полуоткрыты. Ее бурые каштановые волосы волнами падали вниз, касаясь ее лица, ее плеч, ее хрупкой талии.

Не было сомнений – это была она. Снаружи – это все еще та самая девушка, так знакомая владыке. Почему она осталась прежней – он не знал. Ему уж двадцать восемь, и он согласен

³ Делис (здесь) – сыворотка, поглощающая любую магию.

с силой Эйлиса больше не стареть. Но она? Даже великому алаксу было не понять, почему стоящая перед ним так молода? Годы не тронули ее, прошли стороной. Сколько ей сейчас? Восемнадцать? Девятнадцать? Она совсем не изменилась.

Белая рубашка смята, разрезана ударами клинков. Ее обнаженные плечи слегка вздымались – она дышала легко, сливаясь воедино с мягким морским бризом. На ногах, сквозь почти прозрачную мантию, виднелись потертые брюки и высокие сапоги. Запекшаяся черная кровь была на всей ее одежде, большая часть ее принадлежала мертвым, не живым. Все, стоящие на этом самом месте, трепетали от страха, но не она, не Вторая. Ее сердце билось ровно и спокойно.

Красота ее затуманивала рассудок, но нужно было приходить в себя. Хедрик сглотнул подкативший комок к горлу.

– Сколько лет прошло, Э'лин Джейн! – начал он как ни в чем не бывало, встал с трона и направился по направлению к ней. Высокий и гордый алакс был выше ее на две головы. Золотая мантия возникла у него за спиной, сползая за ним змеиным хвостом. – Скажи мне, Элин, как это случилось? Как маленькая и беззащитная девчонка смогла выжить в ту ночь?

Хедрик стал обходить вокруг, словно зверь, оценивавший свою жертву.

– Эмм, – Боттер испуганно попятился назад, – она не слышит вас, мой алакс. *Делис* должен был оглушить ее.

– Так уж и не слышит, – владыка улыбнулся ядовито, – для Элин Джейн *делис* никогда не был сильной преградой. Жаль, *делис* – это все, что у нас есть против таких, как она. Да, госпожа Элин не видит, но слышит нас, поверь мне, прекрасно, – Хедрик подмигнул девушке. – Как поживает Тинк-Кросс, Элин? Гардвики не голодают?

На мгновение в ее сжатых кулачках возникли тонкие искры голубого сияния. Хедрик был уверен – он видел не иллюзию. Ее магия прорывалась наружу, несмотря на то, что на ней были тяжелые оковы, пожирающие любое колдовство.

– Грязный выродок! – оскалившись, вымолвила она, поглощая пустоту глазами, обратившимися в нечто серое.

Хедрик зацокал, покачивая головой.

– Такие резкие слова не должны звучать из уст юной госпожи дакотского происхождения. Разве на твоей «родине» этому уже не учат?

Волшебник взглядом приказал хранителям уйти. Мори поклонились и встали вдоль колонн, выплескивая наружу сгустки черного дыма, от которого купол над залом обратился в туманный круговорот из умирающих звезд. Наступила тишина. Боттер выпрямился, заметив, что уже долгое время стоит, уткнувшись носом в огромный горшок с колючими ядовитыми розами.

Все взгляды были направлены к ней. Элин Джейн была обескуражена. Ни к такой встречи она готовилась все эти дни и сейчас находилась в полной растерянности. Злость кипела, как котел с ядовитым зельем на раскаленных углях, но девушка не хотела идти на поводу у эмоций. Ей нужна была трезвая голова. Собравшись и отбросив все сомнения на потом, Вторая начала спокойно:

– Как вы смеете говорить о Тинк-Кросс, после того, что вы с ним сделали? Говорить о гардвиках, которые там жили, не зная их, не ведая кем они были? У них, в отличие от вас, хватило мужества встать лицом к лицу к своему врагу, а не прятаться за высокими стенами и каменными спинами безмозглой нежити! Возмнивши себя алаксом, из-за дня в день, пожирая невинные души. Грязный выродок! Какие еще слова вы хотите услышать в свой адрес, если не такие?!

Ее голос был властным, сильным, безразличным к его силе, власти и мощи. Он давно не слышал ничего подобного. В этом замке, словно взаперти, он целыми днями выслушивал крики. Пленники повторяли одно и тоже – никакого разнообразия. Даже голос красавицы

с пепельными волосами больше не приносил его душе спокойствия. Ее же слова заставили Хедрика очнуться от долгого сна.

– Я весьма удивлен, какая же заразная эта хворь – любовь к гардвикам, – задорно подметил алакс, – ты теперь одна из них, как я погляжу. Вылитая эйлийка! Но об этом потом. Десять с лишним лет я не слышал о тебе ни слова. Десять долгих лет, Элин Джейн, десять лет. Из востока мои слуги доносили слухи о том, что некая целительница – величайшая магесса новой Эры появилась на дакотских землях. Я бы никогда не подумал, что это будешь ты.

Алакс подошел к ней ближе, почти касаясь ее холодных рук, почувствовал запах ее волос – легкий аромат сирени с привкусом крови и дыма.

– Кажется они говорили правду, ошибаясь только в одном. Величайшая волшебница новой Эры возродилась на дакотских землях, восстав из мертвых. Расскажи мне, Элин, как? Может поведаешь тайну своего...

Ее резкий голос перебил его:

– Зря пытаетесь таким образом заморочить мне голову, зря стараетесь. Я знаю, что вы хотите услышать от меня. Вы ищите марунов. Их души намного полезнее ануранских, так ведь?! Армия из магов намного сильнее, чем армия нежити, так ведь?! Маруны должны быть всегда на привязи, так ведь?! Что бы вы со мной не делали, я не скажу вам ни слова о других. Ни имен, ни адресов. Я не скажу, даже если вы будете пытаться меня. Я не боюсь ни боли, ни смерти, вы поняли? И я не желаю слышать ничего из ваших грязных уст! Вы мне противны. Вы убийца и душегуб. На этом, надеюсь, наш разговор окончен. Делайте, что хотите.

– Как тебе лорвалд⁴, Вторая? Ильэль все еще с тобой? – неожиданно спросил он. Боттер Кнат скривился, пытаясь понять, о чем идет речь. Ее голубые глаза выразили непонимание. Хедрик притронулся к ее плечу. Алакс надеялся, что она узнает его прикосновение, но девушка отстранилась, провожая его звериным оскалом. Он на виру замер, а затем рассмеялся, хватаясь за голову.

– Ты не помнишь. Ты ничего не помнишь!

Элин Джейн была поражена. Хедрик хохотал без причины, хватаясь за живот. Боттер Кнат тоже начал смеяться, подражая к алаксу.

– Хочешь, я расскажу тебе, что случилось в ту ночь? – спросил алакс, захлебываясь от смеха.

– Я не желаю ничего слышать из ваших уст! – повторила она каменным голосом.

– Что ж, – Хедрик пожал плечами, – рано или поздно ты сама меня об этом попросишь. Давай поговорим о твоём убежище. Значит вот где ты пропадала все эти годы? На востоке, в землях всеми забытой Дакоты? В Тинк-Кросс? Ха! – он всплеснул руками. – Это был чудный городок, не правда ли, Боттер? – алакс посмотрел на Боттера и тот согласительно кивнул. – Я так рад, что теперь он стал частью моей всемогущей империи.

Элин вздрогнула и дернулась вперед. Тщетно. Цепи крепко сдерживали ее.

– Вы убили всех, – через зубы процедила она.

– Раз ты здесь, то значит не всех, – весело подметил алакс. – На самом то деле городок мне был не нужен, а вот его жители... Целители, чародеи... Тинк-Кросс стал пристанищем гнилых марунов. Так уж получилось, Элин, что все твои гардвики пользовались чарами вне закона и не захотели принимать нового алакса.

Хедрик развернулся на каблуках и вызвал кубок. Выпив его содержимое до дна, вернулся к разговору.

– Так что же случилось, Элин? Как тебя поймали? Расскажи, мне интересно.

Волшебник выпрямился, сунул руки в карманы брюк, и посмотрел на девушку взглядом человека, оценивающего свою собственность. Элин свела брови и недовольно хмыкнула.

⁴ Лорвалд – напиток, настаиваемый на вишневых косточках

– Сотни больных и раненых приходили ко мне. Тысячи смертей каждый день. Виною тому был некто темный, имя которого боялись назвать даже самые храбрые. Я решила, что кто-то должен его остановить, – девушка обратила к нему взор, и могло бы показаться, что она видит его насквозь. – Никто меня не ловил. Я пришла сама и пришла убить вас, алакс.

– Ох, звучит угрожающе, – Хедрик поднял руки, наигранно сдаваясь, – я весь дрожу. И как же ты собираешься это сделать, Элин?

– Это уже не ваше дело. Ваше дело расплатиться по долгам. Вы ответите за все свои злодеяния, за всю ту боль, что причинили Руне, ее людям, альвам, ее миру!

Хедрик засмеялся.

– Что ж, мне бы хотелось посмотреть на это.

– Никогда нельзя недооценивать своего врага, о великий алакс, – вымолвила девушка, ехидно выплевывая последние два слова. – Если это буду не я, то придут другие. Какими бы не были жители Эйлиса, они смогут дать отпор! Никогда наш мир не будет таким, каким вы намереваетесь его лицезреть. Мир не подчинится!

– Он уже подчиняется! – выкрикнул владыка, обернувшись к витражам. – Если бы ты видела, что сейчас показывают мне мои зеркала-вестники, твои речи были бы иными. Ты же умная девочка, ты же должна понимать, что война, которую эйлисы так избегали, проиграна. Я победил, – алакс выдохнул, пытаясь отпустить внезапно нахлынувшую злобу. – Ты стоишь на стороне проигравших, Элин, на стороне слабаков и тех, кто играет роль сосудов для душ – не больше и не меньше, но при этом ты не одна из них. И сейчас, Элин Джейн, я могу предложить тебе то, что никому еще не предлагал. Ты убила много моих хранителей, но я готов закрыть глаза на это. Ты думаешь, что верна прежней Руне, но я готов убедить тебя в обратном. Эти стены еще не слышали того, что великий алакс собирается сказать сейчас.

Боттер Кнат, переполняемый любопытством, замер, кусая костяшки пальцев, хранители перестали дышать.

– Я хочу даровать тебе помилование. Я отпущу твои грехи перед империей, а взамен, ты станешь моим агасфеном.

Волшебница подняла на Хедрика взгляд. Взгляд был полон ярости.

– Соглашайся, Элин Джейн, – улыбнулся он, наслаждаясь ее прекрасной ненавистью. – И тогда я сделаю так, что память вернется к тебе. Ты станешь прежней, станешь той, кем была. Разве ты этого не хочешь? Я ведь вижу – ты желаешь этого больше всего на свете.

Карие глаза пылали. Вторая распахнула губы и воздух содрогнулся:

– Вы ошибаетесь, алакс. Я хочу лишь одного: вашей смерти! Кто бы вы не были, какими бы силами не обладали – мне наплевать! Я убью вас. Вы ответите за все те злодеяния, что содеяли с моими родными, с гардвиками, со всем миром!

Следующая вира промелькнула со скоростью света. Никто не успел среагировать. Никто не ожидал ничего подобного. Она сумела одним движением высвободить руки из сковавших ее цепей, обратив их в пепел. В сие мгновения алакс еще раз подтвердил для себя то, что Элин Джейн – все еще прежняя Вторая: несклоняемая, неподвластная никому бестия, не способная усомниться в своей правоте.

Откуда-то в ее руках возник кинжал. Алакс не успел разглядеть его, лишь уловил на себе яркий луч отраженного в лезвие света. Девушка кинулась на Хедрика – тот отреагировал слишком поздно. Боттер Кнат успел тысячи раз проклясть себя за то, что не вонзил в ее сердце иглу, полную *делиса*; что разрешил мори отойти, дав ей свободу.

Кинжал вонзился Хедрику в левое плечо. Бить пришлось в слепую. Кровь брызнула ей в лицо, струйкой побежала вниз. Девушка в ужасе отпустила рукоять кинжала и сделал шаг назад. На туну все замерло: Боттер Кнат, прокусывающий кожу на пальцах до костей, хранители, растерявшиеся от столь наглой выходки пленной, живые витражи, обратившиеся в полые стекла. Мори отреагировали с опозданием, ударом опрокинули девушку на пол, приставив к ее

тонкой шее мечи. Острые прокололо ее кожу, черная венозная кровь тонкой струйкой выбежала наружу. Волшебник не издал ни звука. Будь это обычный человек – закричал бы в криках агонии. Удар был сильный, очень сильный. Никто бы и подумать не смел, что ее руки способны на такое, и даже она сама, кажется, в случившееся еще не верила.

Лезвие вошло гладко по самую рукоять, пробив его насквозь. Удар она чуть ниже – задела бы сердце. Золотая мантия стала осыпаться в кровавых пятнах. Удар пошатнул его, заставил великого и непобедимого алакса сделать шаг назад.

Он был удивлен, поражен, обескуражен.

– Никто. Никто не смеет поднимать на меня руку, дорогая Элин, – поразительно спокойным и поучительным тоном сказал он, будто бы ничего не произошло, – особенно, если в этой руке оружие.

Он бесшумно вытащил кинжал и отбросил его в сторону, попутно вспоминая страшный сон, о котором поведала ему девушка с пепельными волосами. «Кажется, на сей раз она была обеспокоена не без причины» – подумал он и тут же переключил все внимание на Вторую, что лежала у его ног. Сейчас она была похожа на крошечного, испуганного, дикого лисенка, загнанного в угол. Он слышал, как бьется ее сердце, отбивая марш тысяч воинов, идущих строем. Ей было страшно, но боялась она не его. Алакс вдруг накрыло волной гнева. Неужели она не испытывала страха перед ним – великим владыкой Руны? Неужели ее пугала кара за нарушение закона Мудрых больше, чем беспощадный правитель Дарка воплоти? На лице заиграла маска неимоверной злобы. Хедрик быстрым шагом приблизился. Хранители отошли. Алакс приподнял свою дрожащую руку, и Вторая распятая взлетела вверх, как тряпичная кукла. Холодные, липкие пальцы, покрытые свежей кровью, схватили девушку за ее тонкую шею. Не ожидавшая этого, волшебница вцепилась в него ногтями. Хедрик поднял ее над землей. Она начала задыхаться. Легкие загорелись бешеным пламенем. Элин стала пытаться ударить его ногами, но магия волшебника сковала все ее тело.

– Теперь ты знаешь, Элин, зачем я пью души, – прозвучал его напряженный голос. – Они делают меня неуязвимым, дают мне могущество, которого у тебя никогда не будет. Они дают мне бессмертие. Каждая душа по-своему хороша. Какова же будет твоя? Думаешь, после содеянного, она еще не развалилась на части, не истлела?

Каждый в зале был уверен, что алакс тотчас же извлечет душу Второй, что он убьет ее без каких-либо колебаний. Но он стоял, разглядывая ее лицо, пытаясь увидеть глаза, спрятанные под повязкой. Все было тщетно. Глаза продолжали скрывать истинную Вторую за завесой тайны.

Со всей силы он отбросил ее. Девушка пролетела через весь зал. Волна магии пригвоздила Элин к стене. Трещины пошли по мраморному камню. Звук от удара эхом отразился от витражей, смешиваясь с треском ломающихся костей. Кровь струйкой потекла из ее полуоткрытого рта. Магия иссякла. Умиравшее тело упало на пол. Его рука вновь вознеслась к небу.

– Мой алакс! Она умирает! – запищал Боттер Кнат. Хедрик остановился. Он не должен был ее убить, не сейчас. Злоба медленно утихла. Алакс подошел к бессознательному телу, присел, скользкими руками снял с глаз повязку. Глаза были открыты. Черные, огромные зрачки заполнили все свободное пространство. Тряпичная кукла превратилась в фарфоровую. Хедрик испуганно притронулся к ее руке. Кровь медленно билась по венам. Она еще жива.

– Что с ней делать, мой алакс? – дрожащим голосом спросил Боттер, неуверенный ни в чем.

– Пусть ее излечат и отправят в темницу, – ответил Хедрик, облизывая свои пальцы.

– Которую? Под замком?

– Нет. В башню Аладеф! – сказал он, срываясь на крик. – Все вон!

Наполненные ужасом слуги быстро удалились, прихватив тело пленницы с собой. Хедрик остался один. Он подобрал кинжал и сел на трон.

Алакс не знал, что заставило его так броситься на нее. Мысли перепутались с чувствами. Алакс не был уверен ни в чем, боялся закрыть глаза и осознать, что все это время не спал, что это не сон, что это – реальность. Вторая жива, и она снова здесь.

Он рассмотрел кинжал, вытер его от своей крови. Нет, это был не простой клинок. Он сделан альвами. Алакс был уверен, что на Эйлисе те не куют оружие, а значит сие прибыло издалека, из другого мира.

– Чертова ведьма! – выкрикнул он, отбросив кинжал в дальний угол, и тут же осмотрелся по сторонам, боясь, что его кто-нибудь услышит. В зале никого не было. Хедрик продолжил размышлять. – Это из-за нее! Люцира не должна узнать о ней, иначе всему придет конец. К счастью, пока она на Астро, мне нечего бояться. В башне Вторая будет в безопасности, а потом я решу, что с ней делать.

Похолодало. Смутно потянулись морозные тучи с севера. Хедрик съежился и хмуро взглянул на своих вестников. «Покажите мне ее» – потребовал он. Витражи заиграли светом. Зал окрасился в бардовый и на дрожащих стеклах выступили безликие красные земли.

– Осторожнее тут! – прикрикнул Боттер, входящему в покои знахарю-альву (уж больно подозрительным тот ему показался). Вытащили иглу. Кости заросли, раны исцелились.

– Надо было сделать это раньше, – заворчали напуганные слуги. – Как ты мог допустить, чтобы нашего алакса ранили, Боттер?

Черные лошади тронулись, поднимая в воздух горы пыли. Повозка заскрипела. Скоро темная завеса накрыла ее, капли сиреневого дождя бурой мглой затуманили следы конницы. Промчались леса и поля. Слуги тьмы не оборачивались и не останавливались. Они мчались туда, откуда, как верил владыка, сбежать никому не удастся. Они ехали в Аладеф.

Глава вторая. Аладеф

*Она – ребенок и маленькая птица,
Свободы жаждет, хочет полетать.
Но сделать шаг нельзя,
Ведь можно и разбиться
Уж лучше в клетке ей всегда томиться,
И крылья хрупкие легонько обломать.*
Линда Закс, «Сборник прозы Норгрота» I ЭТВ

Ей показалось, что наступил рассвет. Мучительным стоном крошечные пучки угасающего света вязкой смолой прокрались через скальные камни и ворвались в ее темницу. Здесь они были последней каплей жизни, последним оплотом надежды на то, что мир еще не угас, что солнце, хоть и чужое, но все еще светит так же ярко, как и вчера.

Свет умер. Она потянулась к выскобленному человеческими костями крошечному окошку, на котором все еще оставались следы запекшейся крови, чтобы еще раз уловить его прощальный взгляд. Черные пауки неохотно расступились, давая ей возможность взглянуть на мир по ту сторону стены и тот мир улыбнулся, ведь он никогда не умирал.

Ее окружала непреходящая темнота, что преследовала пленницу с самого ее рождения. Вокруг не было ничего, кроме грязных смолистых кирпичей да серых камней. Ее клетка кружилась каждый день, каждый час, каждое мгновение ее жизни, запачканной страхом, голодом, ненавистью к себе, к другим, ко всему жестокому миру. И от этого вечного круговорота железные прутья, что сковывали стены воедино, скрежетали и гудели. Она мало-помалу сходила с ума от этого звука, желая всем сердцем услышать что-нибудь еще, но иных звуков здесь не было уже, кажется, тысячи лет.

Заложница оставалась наедине с собой и со страхом, что веял из всех щелей, высвобождался из каждой крупички ее отравленной плоти. От него нельзя было скрыться. Здесь, на поле боя, он – безжалостный противник, давно забывший, что такое сострадание и жалость. Она, как бы и не желала победить его, всегда проигрывала и срывалась в бездну своего немислимого отчаянья.

Сегодня ее темница была близка к земле, хотя еще вчера парила так высоко, что голова шла кругом.

Так сильно давила пустота.

Кажется, прошел год, но время – жестокий обманщик. Ровно месяц назад Ольну – невинную, чистую душу, поселившуюся в крошечной десятилетней девочке, привели сюда и обрекли на страдания.

Она помнила, как всю дорогу рыдала и звала на помощь. Она не понимала, за что. За что ее сажают в клетку, словно преступника, грязного убийцу, запятнавшего себя и душу, неподвластными прощению, грехами? Искала мать. Звала. Звала....

Все – настоящее, прошлое, будущее – смешалось в одночасье. Никто не пришел. Она плакала, и не было ничего постыдного в ее слезах, ей можно было плакать.

Она помнила, как всю дорогу ее пытались схватить дряхлые и иссохшие руки других пленников, потерявших человеческую сущность и обратившихся в диких, бешеных хищников, коими двигало одно желание – желание выжить и не умереть от голода. В тот день она сказала себе, что их не нужно бояться. Совсем скоро она сама станет такой же, станет одной из них. Рабы станут рабами, а господа продолжают править. Она не будет одинока в своих страданиях.

Они подымались вверх и этим ступеням не было конца. Слезы лились рекой. Ольна рыдала, как младенец, хотя, чем тогда она отличалась от младенца? Она лишь беспомощный ребенок, который не в силах дать отпор.

Ее несли и несли, по редким окошкам она понимала, что земля осталась далеко внизу. Теперь она над небесами, хотя еще жива, высоко – высоко, откуда сбежать не удастся, да и никому не удавалось.

Ее отпустили, и перед глазами все слилось. В темноте не было ничего, кроме страха. «Ты привыкнешь к нему, станешь его частью» – сказала она себе, провожая стражника, идущего к железной двери. Проскрежетал ключ. Последний оплот света угас. Ольна осталась одна.

Иногда она думала, что все это ей только кажется, что мир вокруг – вымышленная реальность, всего лишь бред умирающего. Ей было страшно осознавать то, что, может быть, она все еще лежит под завалами разбившегося вертолета, изрезанная осколками и острыми камнями, под нескончаемым пулеметным огнем.

Но все же она чувствовала. Чувствовала холод в безликие ночи, одиночество, жажду и голод часами напролет, а значит, она все еще жива, все еще дышит.

Девочка знала, что остатки своей жизни она проведет здесь: в седьмой от востока темнице, на седьмом круге нескончаемой башни, уходящей до самых небес.

Совсем скоро она изменилась как снаружи, так и внутри. Ольна повзрослела. Детство кончилось слишком рано. И будучи еще крохой, она думала о серьезных вещах. Ей в голову приходили невероятные мысли, являвшиеся не всякому мудрецу. Она изменилась и внешне, но сама этого знать не могла – в узилище не было ни зеркал, ни окон. Ольна запомнила себя такой, какой была на Земле: русые кудрявые волосы, темно-зеленые глаза с проблеском света, большие бледные губы и крохотное личико с пухлыми щечками.

«Увидь я себя сейчас – не узнала бы, – часто подумывала она, разглядывая седые взъерошенные волосы и хватаясь за торчащие ребра, слегла покрытые тонким слоем обветшалай кожи. – Ходячий скелет».

Каждый день она мечтала о чуде, как и любая другая девочка ее возраста. «Настанет день, и принц на белом коне вызволит тебя из этой башни. Принцесса будет спасена» – твердил угрюмо голос, но пробегали дни, а принца не было, как и не было дня, когда она не плакала, уткнувшись носом в гнилой сноп травы, пропитанный ее слезами.

День возрождался. Заложница отпрянула от трещины и подползла к черствому сухому хлебу и миске с молоком – все, чем она должна была прокормить себя сегодня. Ольна с жадностью накинута на еду и каждый ее кусочек казался божественным. Еда нужна была чтобы спасти тело, не душу.

Послышались крики. Ольна наострила слух. Такое бывало не часто, но она точно знала, что это значило. За стеной кто-то умирал мучительной смертью. Девочка ждала, когда подобное произойдет и с ней. Возможно, глубоко в душе она хотела этого, ведь нынешняя ее жизнь была хуже всякой кончины, однако судьба – бессердечная старуха, давала ей еще и еще один шанс, чтобы жить и страдать. Морон был на ее стороне, хотя Ольна и не знала, что такое Морон. Она называла ночное светило «треснувшей луною», а странное изменчивое солнце, что огромным, расплывчатым круглым пятном, без четких границ и препятствий ютилось на небосводе днем – «мерцающей бочкой». Часами она могла смотреть на них обоих и не чувствовать боли в глазах.

Больше всего ей нравились две совсем не похожие друг на друга круглые частицы луны, что разрезали небо на две половинки. Что возвышалась левее походила на желтую пенку парного молока, а что правее – зияющую голубую пучину глубин звездного океана с розовыми бороздами и изгибами синей небесной волны.

«Небо здесь весьма странноватое, – подмечала девочка, часто сравнивая его с закрытой колбой цветных красок, – никогда не знаешь, чего от него ожидать». Оно каждый день меняло

свои краски, словно по прихоти. Эдакие метаморфозы Ольну страшно забавляли. Вчера оно было желтое, и, огибая края темниц, вязкой жидкостью окутывало леса и поля, пестрило через узкие проемы кирпичей. Под конец дня небо стало слишком назойливое, от него захотелось спрятаться, убежать прочь, и, будто ведая это, загадочное солнце ушло за горизонт, накинуп на него звездную завесу. Стемнело.

Несомненно, порой небо становилось голубым, чутко отличаясь от земного, но сие случалось крайне редко.

Сегодня оно было бледно-зеленое. Мутная, слегка смазанная рябь чувствовалась в нем. Огромное солнце сияло серебром, прогоняя каждую свирепую тучу прочь и чувствуя торжество сладкой мести. Светило разгневалось на них за то, что три дня назад они с самого утра укутали землю грязным болотным покрывалом, и, призвав к себе на помощь жуткий ливень, напрочь разбили отряд солнечных весенних лучей.

Хлеб и молоко куда-то испарились, будто бы прошли мимо рта. Голод продолжал ее тревожить, Ольга решила отвлечь себя и вернулась к крошечному окошку в реальный мир.

Туман скручивался в разные забавные формы, парил над травой, деревьями, покрывал каждый клочок земли. Вот завиток принял форму пегаса. Пегас взлетел вверх, взмахнул своими белоснежными крыльями и исчез. А вот и летающий кит. Ольга была уверена, что в этом мире эти чудные животные, все же, предпочитают летать.

Эйлис пробудился. Сквозь дальнюю пелену Ольга разглядела, как зеленая материя, словно тончайшая ткань, вспорхнула с поверхности трав и листьев, сплелась воедино, обратившись в зеленого человечка, что с песней на устах отправился в пляс по лесным тропам. Ничего особенного в этом девочка не видела. Она давно сошла с ума, так что удивляться чудесам была не намерена.

Деревья не двигались, но Ольга то знала: они притворяются. Отвернись на мгновение – они тут же начнут шептаться друг с другом, как давние соседи.

С ветвей спорхнули птицы. Ах, какие здесь были птицы! Невиданные, прекрасные. Ольга никогда не видела на Земле ни одной подобной.

Струйкой бежал ручей с хрустальной водой. Видя его, пленница теряла голову.

– Хотя бы капельку той водицы! – простонала она, сглотив острый комок, вставший поперек горла.

Чуть ниже ручей впадал в реку, однако ее пленница не видела, а только слышала. Соблазн напиться был велик, но она не могла преодолеть каменные стены.

– Вот зараза! – вздохнула заложница и опрокинулась назад, забросив ногу на ногу. Из далека послышался топот копыт, эхом отражающейся от стен каньона, что прятался за непроходимым лесом. Ей стало жутко интересно посмотреть, кого еще привезли, но вставать было лень.

Темница опустилась совсем низко, звуки доносились четко и ясно. Конница приближалась. Фыркающая и стуча копытами, жеребцы рассекали воздух и разносили в клочья все преграды на своем пути.

*Топчут кони землю,
Мечутся в сомнениях,
Лозы виноградные
Обрывают с рвением.
Люд кричит и стонет,
Горы ходуном
Воскресение Светлое
Входит в каждый дом.*

Ольна пробормотала вслух какие-то строчки, внезапно всплывшие у нее в голове, а затем начала жевать соломинку и чуть было ею не подавилась. Внезапно вспомнила, что когда-то в такие же весенние дни она встречала Пасху. Столько ярких красок было вокруг! Красные, желтые, зеленые, синие! Раскрашенные яйца были похожи на волшебные камушки.

Всей небольшой родней они пекли куличи. У бабушки был особый рецепт, что делал вкусным не только заснеженную верхушку, присыпанную разноцветными сахарными крошками, но и пылающую ванилью сердцевину. А затем, когда небосвод озарялся золотой тропинкой солнца, они шли в церковь. По дороге отец сажал ее на плечи. Ольна любила те моменты, так как начинала чувствовать себя взрослой, видела мир вокруг с высоты.

На обратном пути ей всегда давали свечу. Мама говорила, что донеси она ее не угасшей, то удача всегда будет на ее стороне и счастье никогда не покинет их дом. Тогда ей было девять лет. С большим трудом, спасая хрупкое пламя от не щадящего ветра, девочка донесла свечу в целостности и сохранности до самого дома, а на следующей день в город пришла весть о том, что на западе материка началась война.

Не так много праздников она помнила, не каждый из них смог найти себе место в кладовке ее детской памяти. Большую часть там занимали иные воспоминания.

Война... Сколько боли, горечи принесло ей это слово. Кто начал ее, да и зачем? Ольна не видела смысла в этих войнах, не ведала причин, которые могли оправдать миллионы загубленных жизней. Ольна не понимала, почему война коснулась ее. Это ведь не она пересекла чьи-то границы с оружием в руках, не ее семья расторгла мирные договоры. Все, что ей нужно было, это просто жить в мире, учиться, открывать для себя что-то новое. Все обрушилось в одночасье.

Но несмотря ни на что, те дни были для нее волшебны. Конечно, еды не хватало, но может быть именно это спасло ее сейчас. Она часами сидела в укрытии и, может быть, именно это дало пленнице невероятную терпимость и силу духа.

Мать говорила ей, что грядущая весна принесет что-то новое. Как ни странно, она была права.

– Я заперта в темнице, мой папочка на фронте, а мамочка... Неизвестно, жива ли она, – хмыкнула Ольна, скрючиваясь. – Действительно, что-то новенькое.

Девочка закрыла глаза. Она вспомнила родителей, что остались там, на Земле. Она давно перестала винить себя за то, что не успела сказать им, как сильно их любит. Теперь – слишком поздно.

– Что ж, почему бы не взять дневник и не прочесть его заново, – подумала Ольна. Дневник матери – все, что осталось у нее от родителей, все, что она смогла пронести сквозь пространство и время.

Девочка порылась в снопе сена и вытащила старую тетрадь, протерла ладонью кожаную обложку, сдула пылинки. Довольно толстый переплет скрывал хлипкие страницы воедино, но они вот-вот были готовы высвободиться и отправиться в свободный полет. Уголки потрепались, а плесень и сырость почти что уничтожили крошечный необъяснимый знак, выжженный огнем на корешке.

– Мама, – прошептала она, целуя тетрадь, – мамочка! Я люблю тебя, ты знаешь это, хотя я никогда тебе и не говорила. Вы с папой самые родные у меня. Я очень хочу, чтобы все страдания, все муки, что я терплю здесь, были только моими. Пусть они будут свидетельством того, что я своей смертью огорожу вас от бед. Мне осталось не долго. Я хочу верить, что если мне суждено оказаться «там» раньше, то мы с бабушкой встретим вас, мои родные, через много – много лет.

Малютка шершавой ладонью протерла глаза от слез, дрожащей рукой открыла первую страницу, на коленях подползла к скудному свету, изливавшемуся из трещины. До боли знакомый почерк черной пастой ручки был неровным, иногда спускался вниз, теряя строку. Слова

соединялись в предложения, рассказывая удивительную историю. Ольна прочла ее сотню раз, чувствуя, как становится ближе к матери с каждым, написанным ею, словом.

Изложение начиналось пятого января две тысячи тридцать первого года, спустя восемь месяцев после вспыхнувшей на западе войны.

«2031, 5 января

Я так хорошо помню тот день, когда все началось...

Мы были одни с Ольной, Лукас ушел на работу и задержался допоздна. Дочка играла с Тавви – нашим верным собачьим другом из болтов и механизмов, а я перебирала вещи, пытаюсь найти мой кулон, подаренный Лукасом на годовщину. Когда трансляция новостей прервалась и экран монитора наполнился дрожащими линиями, я не придавала этому значения. «Куда исчезла картинка, мама?» – спросила моя звездочка. Я пожала плечами. В ту минуту мне было не до того. «Папа придет и починит его, солнышко» – бросила я, не вдаваясь, ведь была уверена, что передатчик опять сломался. Пора было бы его заменить, но лишних денег у нас не было, да и я не была уверена, что нам следует тратить на такую мелочь.

Во дворе кто-то громко выругался, загалдели женщины. Я испуганно посмотрела на Ольну, надеясь, что моя звездочка не услышала всех этих ужасных слов.

С верхнего этажа послышались шаги. Мама обычно не выходила из комнаты после заката, но сегодня что-то заставило ее спуститься вниз. Она подошла и притронулась ко мне. От неожиданности я вздрогнула. «Мама, ты напугала меня!» – сказала я, недовольно. «Ты не меня должна бояться» – выдохнула она, дрожащей рукой протянула планшет. Я взяла. На белом экране черными буквами бежала строка: «Война! Нам объявлена война!».

Так мы узнали, что мир, который люди всеми силами пытались сохранить, канул в бездну.

Война затронула всех, не обошла и мою семью стороной. Неделью назад Лукасу пришла повестка, сегодня мы прощались на перроне, провозжая его в дальнюю дорогу. Я помню его глаза: он не плакал, но взгляд был полон слез. Я чувствовала, что он прощается со мной навсегда. Оленфиада была рядом. «Война скоро закончится, и папа вернется домой» – прошептала я дочке. «Не плачь, мама, – сказала она мне. Я присела на коленки и обняла ее. – Пока папа будет защищать весь мир, я буду защищать тебя». Я рассмеялась тогда. Какое же храброе у нее сердце!»

Темница приподнялась и полетела вниз. От столь резкого спуска Ольна схватилась за живот, чувствуя, как завтрак вот-вот готов вырваться на свободу. Пол задрожал. Подождав, когда все стихнет, пленница продолжила читать:

«2031, 9 января

Мы остались одни. Город медленно пустеет. Почти все соседи разъехались. Отправились на юг – подальше отсюда. Они боятся и есть чего: ходят слухи, что приграничные пункты сданы. Наших взяли в плен. Молодые солдаты совсем еще дети! Я молюсь за то, чтобы Лукаса среди них не было!

Власти молчат, не хотят сеять панику, а люди говорят, что война доберется до нас за месяц, может быть раньше.

Моя звездочка задумчива и серьезна. После отъезда Лукаса она стала мало есть, почти не спит. Я ее понимаю. Она, как и я, волнуется. Она, каждые две минуты, открывает электронную почту, щелкает на жалобный кружочек в левом углу, раз за разом обновляя страницу в надежде увидеть там новое непрочитанное письмо от отца, но от него нет ни одной весточки. Ей страшно. Всем нам страшно. Я пытаюсь бороться с этим. Оленфиада ведь

во всем берет пример с меня! Покажи я ей свой страх, она поймет, что все по-настоящему плохо.»

С улицы донесся звон колокольчика. Дикая конница сделала круг по площади и остановилась. Ольна не обратила на это никакого внимания.

«2031, 13 января

Время поменялось и люди последовали за ним

На дворе стоял жуткий мороз. Ночью выпал снег и всю округу замело, дороги на въезд и выезд из города запорошило.

Оленфиада спала рядом. Последние дни она не покидала меня ни на секунду.

Я открыла глаза в пять тридцать, услышав громкие стоны и крики на улице. Удары, выстрелы, звон стекла. Как же я испугалась! Сердце заколотилось, как бешеное. Подумала, нас атакуют. «Мамочка!» – прошептала моя звездочка, прижимаясь к моей, онемевшей от страха, руке. Я приказала малышке спрятаться под кровать, а сама решила спуститься вниз. Она протестовала. С трудом справившись с ее истерикой, я помчалась вниз.

Солнце еще не встало, но мама была на ногах. Она смотрела в окно, прижимая дрожащие губы к нашим стареньким зеленым шторам. Я спросила, что произошло. Мама не ответила. Испуганная, я подошла и взглянула во двор.

Мы живем в шести милях от центра. Наш район часто называют районом бедняков. Я успела пожить здесь довольно долго, чтобы узнать город и людей в нем живущих. Никогда бы не подумала, что они способны на такое...

Мародерство! Не прошло и месяца, как люди превратились в животных. На соседней улице весь снег окрасился красным. Лежали тела. Магазин Бардиса, нашего доброго соседа, горел. Окна «Льюис и Лур» были выбиты, всю ту технику, что не смогли вынести, разбили и подожгли.

Я кинулась звонить в полицию, но мама остановила. Она сказала, что никто не придет, снег слишком хорошо застелил собой все дороги.»

Громкий, грубый голос затмил все вокруг. От неожиданности пленница вздрогнула. Жаль, она не понимала, о чем говорили снаружи. Опустив глаза, она попыталась продолжить читать, но тут же второй мужской голос перебил ее. Еще раз пробежавшись по строчкам, Ольна смирилась с тем, что прочесть ей не даст жуткое любопытство, зовущее к крошечному окошку, и вернула дневник на прежнее место.

Повозка стояла, нагруженная сундуками, оружием и клетками. Кони не успокаивались, подымая копытами столбы дыма. Ольне прежде не удавалось разглядеть их в такой близости к себе. Молодые черные жеребцы стояли друг-за-другом, облаченные в дорогие доспехи. Огромные круглые глаза-янтари крутились в пустых глазницах, из ноздрей валил желтый огненный дым. Ольна не могла причислить их не к одному известному ей классу животных. Сбивало то, что эти пугающие жеребцы, начиная от копыт и заканчивая острыми закругленными рогами, состояли из чистого металла.

– Yasokopsynt, eopytyn einadzosir!⁵

Громыхая латами, стражник взмахнул кнутом и ударил строптивых по их гладким спинам. Кони вздыбились, выпустив наружу пару острых змеиных клыков, готовые дать отпор даже такому сильному противнику. Из угла слышались шаги, громоздкими металлическими ударами раздирающие каменную площадь. Стражник направил кровавый взор куда-то за невидимый горизонт. Через пару мгновений на свет показался некто, с ног до головы упрятанный под тяжелым костяным панцирем. На поясе его весело брэнчала связка ключей всех разме-

⁵ Успокойся, глупое создание!

ров и форм, за спиной выглядывал огромный топор, несоизмеримый с пропорциями его тела. То был привратник ключей, Ольна его узнала. Именно он открыл те двери, что захлопнулись перед крошечной девочкой навеки. Не человек, но и не зверь, не живой, но и не мертвый. Его огненные глаза, горящие через узкие прорезы в маске, вспыхнули. Кони в страхе прижались к друг-другу. Торжествуя своим превосходством, привратник ухмыльнулся и подошел к стене башни. Облокотился на нее. Связка ключей пролетела перед самым носом Ольны, отделяемая кирпичной кладкой. «Ох, если бы только мои пальцы были длиннее и тоньше, – мечтательно подумала пленница, – я бы смогла стащить их и высвободиться!».

Худощавый мужчина, одетый в смятую дорожную робу, спустился с повозки, отряхиваясь от назойливой мошкары. Два синих мешка украшали кожу под его глазами – кажется, он давно не спал. Тонкие губы обветрились, на смуглой шее застыли грязные потеки пота, редкие волосы покрывали лысеющую макушку. Шаркая ногами, он подошел к привратнику, встал так близко, что Ольна смогла учуять острый запах гнилой плоти, исходившей из него.

– Orbodny tavolahopint, Vederiku, me ugomint tib nezelopny?⁶ – голос хранителя ключей звучал как из неоткуда.

– Yhartsir adyasfif!⁷ – крикнул тот, что держал кнут в руках. Пока пленница пыталась разобрать слова, больше похожие на стоны умирающего, к повозке подошли двое стражников и начали разгружать привезенный скарб.

«Странно, что они везли все это по поверхности, – заметила девочка. За все те дни, что она провела здесь, никто и никогда не приезжал к башне из леса, дорога из которого успела зарости диким бурьяном. – Кто отважился бы повезти сундуки, наполненные, вероятней-всего, чем-то весьма ценным, через темные лесные стежки, горные каньоны и ущелья?»

Караульные спустили на землю пять клеток с черными воронами, шесть сундуков и двенадцать корзин со стрелами и кинжалами. Все это время Ольна наблюдала за их слаженной работой. Те, кто прятали свои лица под масками, обладали великой силой. Они одной рукой держали тридцатипудовые корзины, и, если бы возжелали, с легкостью смогли бы поднять в воздух и подбросить всю повозку. То, что владело такой силой, пугало пленницу. Ольна была уверена: стражники, окутанные прекрасными доспехами, не люди. Там, за железными оковами, пряталось нечто. Всем сердцем Ольна чувствовала веющее от этого «нечто» зло.

Схватив с обеих сторон, стражники спустили вниз самую большую клетку из всех привезенных. Узкие прутья были сделаны из крепкого стекла, внутри бежал вязкий зеленый сок. То ли от того, что повозка стала легче, то ли от внезапно возникшего ветра, который погнал по каменной площади волны из серой пыли, скакуны забили копытами и возбужденно заржали. Караульный с кнутом грозно пригрозил им.

– Anhynint eobyne andohy aremakir, nardu, – устало заявил приезжий, когда стражники с любопытством стали разглядывать клетку. – Alaksu lalsirpint ogontitboeny akinelpir⁸.

Девочка увидела смутную тень на дне. Внутри кто-то был, кто-то весьма опасный, важный и необычный. И этот кто-то вот-вот должен был стать новым пленником проклятой башни. Новый раб пополнит ряды рабов жаровни.

– Какой-то вельможа, – прокомментировала пленница. В чем Ольна и была уверена, так это в том, что других пленных привозили сюда совершенно другими дорогами. Никто из жителей поверхности не знал, что под их ногами простираются огромные нескончаемые пещеры. Внизу, недостижимая для непосвященных, шла секретная тропа, по которой из-за дня в день в башню и из башни велись потоки жалких и немощных. Потоки убитых, потоки живых. Плен-

⁶ Добро пожаловать, Ведерик. Чем могу быть вам полезен?

⁷ Стражу сюда!

⁸ Нужна еще одна комната, нард. Алакс прислал нам необычного пленника

ные и рабы шли, опоясанные веревками, по узкой стезе, под которой царило море из раскаленной лавы. Слабые срывались, а кто оставался, продолжал идти, ведь другого выбора и не было.

Юная пленница впервые побывала там несколько недель назад, когда ее темница опустилась вниз, и, пройдя сквозь бурю толщу почвы, оказалась в настоящей жаровне. Темными ночами Ольна, напуганная до полусмерти, просыпалась с криком, видя перед глазами страшные картины открывшейся перед ней реальности. Там, под землей, она увидела то, что не должна была видеть.

– Etitsorpint, vor yfif sanir nevor solatsont hitindobovsny, Vederiku. Alaksu tealtitsirpint ogonmhy marunu, titmir nevor meavepsynt yastaledzarint fif iminir. Esvhy ot ya ygomint tiholderpint – otsemir fif vobarir fif hakindyrir!⁹ – проревел привратник, вытаскивая из сумки на пояс глиняную трубку и закуривая. В воздух повалил едкий черный дым.

– Tit nikysir stitsir, nurdu, toidir! Lazaksint – titbosoyk kinelpir!¹⁰

Человек заговорил на повышенных тонах. Ольна поняла, что дело принимает новую окраску. Удивленно и немного растерянно, привратник задумался, сделал еще пару затяжек. Выдохнув стужки дыма, принявшие облик горбатых птиц с острыми спицами вместо крыльев, выпрямился.

– Tsent andohy aremakir, Vederiku, anoir... Yatsypyn itopir. Matfif iksevoleir kodortitvir, anyransi, oroksir tisorbtont atitpokir. Yamydint, eobyne yaledenir tenyatorpint vor esvir. Katir onhomint ogeir adytfif¹¹

Привратник спрятал люльку обратно в сумку и вытащил маленький золотой ключик.

– Joy-jorogo satailu anyran vfif Aladef? Of, nevor onhavir... Otsorpnny irebazint yfif yanemir ytoir ymdevir, oobynoroh? Yavsir obynelpir aleorpint!¹² – зевнув, мужчина развернулся и пошел обратно, подзывая к себе караульных и привратника. Через мгновение все пятеро уже стояли у стеклянной клетки. – Ateir akvedir tiheldanirpint alaksu, katir otir kat ialedsint, titbotir kfif ienir otkinir vor melapir nevor yaslynortirpint¹³.

Сонно гость два раза ударил в ладоши, и клетка открылась, с грохотом обрушив все четыре стены на пол. Ольна была уверена, что стекло разобьется, пролив наземь удивительный зеленый сок, но оно оказалось весьма крепким. На дне пленница увидела сжатого в комочек раба, обмотанного веревками. Лица она рассмотреть так и не успела, привратник наклонился и подхватил бездыханное тело, перебросив его через плечо. Огненные глаза начали скользить по башне, пытаясь найти что-то или... кого-то.

– Edgefif ateir satailu yamdeshy aremakir¹⁴? – заворчал он. Все пятеро с любопытством подняли глаза. Ольне стало не по себе. «Что они ищут?!» – с ужасом спросила она, глотая губами холодный ветерок, нежданно ворвавшийся в затхлую темницу. Перекинув кнут за спину, стражник громоздким голосом выкрикнул:

– Tovfir ehvor anoir¹⁵!

Его палец указал в сторону Ольны, каменные глаза под маской радостно сверкнули. «Они нашли ту, что подслушивала их, что подсматривала за ними!» – прошептал голос в голове. Сердце заколотилось, как бешенное. Пленница опрокинулась назад.

⁹ Простите, Ведерик, но у нас не осталось свободных! Алак присылает слишком много марунов, мы не успеваем разделяться с ними. Все, что я могу предложить, это место среди рабов на рудниках!

¹⁰ Ты глупец, нард! Я же сказал – необычный пленник!

¹¹ Есть одна камера, Ведерик, она... почти пустая. Там человеческий выродок, ануран, вот-вот загнется. Думаю, еще неделю протянет и все, так что можно туда.

¹² Какого сатаила ануран в Аладеф? А, не важно... Просто заведи у меня эту ведьму, хорошо? Всю плешь проела!

¹³ Эта девка принадлежит алаксу, так что сделай так, чтобы к ней никто и пальцем не притронулся.

¹⁴ Где эта сатаилова седьмая камера?

¹⁵ Вот же она!

– О чем они говорили? – спросила малютка у стен, чувствуя, как ноги начинают нервно дрожать. Стены гордо промолчали. – Что они хотят сделать со мной? Убить? Отправить к несчастным рабам?

ТУМ... ТУМ... ТУМ...

Послышались шаги, от ударов которых кирпичи на полу задребезжали и черные пауки, прячущиеся в щелях, недовольно повылазили наружу. Кто-то шел по лестнице, подымаясь все выше и выше.

– Что теперь они сделают со мной?

Девочка закрыла глаза. Так легче. Закрыться от всего на свете. Забыться. Тяжелые звуки оборвались.

– Почему ты остановился? – удивилась пленница, прислушалась. Ключ аккуратно скользнул в замочную скважину и провернулся. Стены пошли ходуном, с потолка градом посыпалась пыль. Словно бешенное животное, Ольна ринулась к стогу, прячась под соломой.

– Неужели мое время пришло?! Что ж, я готова встретиться со смертью. Ничего, кроме нее, у меня не осталось. Вы забрали у меня все, так что заберите и жизнь! Покончим с этим!

«Не сегодня!» – раздался голос в ее голове.

Двери, яростно создающие иллюзию цельной стены, со скрипом отворились и комнату залил белый свет. Пленница завизжала и прижалась к полу так сильно, как только могла, закрыла глаза ладонками. Темнота накрыла ее с ног до головы.

– Так... ладно, – она сморщилась и попыталась вспомнить мамину поговорку, кою они часто повторяли, когда снаряды пролетали над крышей, разрушая стену за стеной. – *Раз – светлое чувство рекою вливается. Два – жизнь потихоньку ко мне возвращается.*

Что-то с грохотом упало на пол. Зажмурившись, Ольна схватилась за голову и начала раскачиваться из стороны в сторону, словно сумасшедшая.

– *Три – сердце мое покой обретаю. Ну и четыре – со всеми бывает.*

Хлопнула дверь. Стихло. Недоверчиво пленница приоткрыла один глаз, затем другой. Темница наполнилась привычным мраком. Пауки, фыркая и вытирая черные мордашки от сгустков пыли, принялись расползаться по домам, дверь исчезла, будто бы вовсе и не существовала, вокруг наступила гнетущая тишина. Ольна опустила взгляд и сразу заприметила «нечто» в трех шагах от себя. На четвереньках поползла вперед и обнаружила худую, связанную крепкими веревками рабыню.

– Нет, – отступила девочка, не веря своим глазам. – Разве такое может быть?

Нет. Разумеется, нет. Таких подарков судьбы не бывает! Судьба слишком жестока, чтобы дарить. Ольна протянула дрожащую руку и прикоснулась. Как же давно она не испытывала тепла! Вспыхнул свет. Из неоткуда возникла золотая волна, подхватившая соломинки и пылинки. В ушах зазвенело, Ольна с ужасом отползла назад. Веревки, связывающие незнакомку, лопнули, обратившись в золотые искры, разлетевшиеся по комнате туманом. Рабыня открыла глаза. Они смотрели друг на друга, быть может, слишком долго для первого раза, хотя Ольне могло и показаться. В конце концов незнакомка моргнула и отвела взгляд.

– Artitdir satailu¹⁶, – сказала она, осматриваясь. Сморщив нос, девушка встала, отряхнулась, обратилась к девочке. – Titir ainelpir? Aladef?¹⁷

В горле застрял ком. Все происходило слишком быстро, слишком неожиданно для маленькой заложницы. Ольна с ужасом бросилась искать помощи, но помощи ждать было неоткуда.

– Прости, прости! – вымолвила она, чувствуя, что незнакомка буравит ее голубыми глазами. – Я тебя не понимаю. Я не понимаю...

¹⁶ Сатаилова дыра!

¹⁷ Ты пленница? Эта – Аладеф?

Рабыня, услышав слова Ольны, прищурилась, и, картавя и напрягаясь, вымолвила:

– Ты Зем... Зем... Землянка? Из Зэм. м... лы?

– Я с Земли, верно, – кивнула девочка, начиная заливаться краской. «Она говорит на моем языке!» – заликовало внутри.

– Так, – простонала незнакомка от напряжения, – с Земли.

– Да! Да! – радостно крикнула Ольна, вставая. Она была немало удивлена тому, что все еще помнит, как говаривать с живыми людьми! – Я с Земли, ты тоже? Этого не может быть! На Земле тысячи языков, а ты знаешь именно тот, на котором я говорю!

Девушка, тем временем, закатила взгляд к потолку и отмахнулась от невидимых мух. Тот час же за ее рукой пролетели крохотные снежинки и растаяли в воздухе. Она присела на корточки, осмотрела свою одежду. Недовольно фыркнув, незнакомка произнесла два слова. Грубо, ясно и четко:

– Yanemir zifif orpint!¹⁸

Ольна завороченно наблюдала за тем, как удивительная прикоснулась руками к своему сердцу и ухватила тонкими пальцами за что-то невидимое и ей неподвластное. Чем бы это не было, оно доставляло незнакомке ужасную боль.

Воздух в комнате помчался по кругу. Ольна потеряла равновесие и упала, сшибленная невидимой силой. «Она ведьма!» – вспыхнула пугающая мысль в голове невинной девочке, тут же забывшей о всем том волшебном, увиденном ранее. А незнакомка все продолжала бороться. Невидимая сила, наконец, ослабила хватку, ведьма подняла руки вверх, задышав и выпуская наружу зеленое сияние. Из ее бледных губ вылетел яркий свет и стихло. Уставши, она села, выпрямляя дрожащие от напряжения ноги.

– Что это такое? – прошептала Ольна, пожирая глазами сияние, что опустилось в руки девушки. Она не могла найти ни одного логического объяснения происходящему.

Ведьма взмахнула рукой и в воздухе появилась пустая склянка. «Чудо! Этого не может быть!» – кричала, раздуваясь от недоумения и непонимания, логика малышки, которая была готова лопнуть от удивления. Разбрасываясь ругательствами, незнакомка с трудом просунула сияние внутрь склянки, закрыла ее деревянной пробкой, щелкнула пальцами, и склянка исчезла, будто бы и не появлялась. Краска снова прилила к лицу, губы порозовели.

– Я буду не прочь услышать от тебя объяснения тому, что только что произошло, – сказала Ольна и посмотрела на девушку напуганными глазами. Незнакомка устало протянула ей руку.

– Ага, ты предлагаешь пожать мне руку в знак нашего знакомства! – радостно завопила девочка, уже готовая подать свою в ответ. Однако не успела она этого сделать, как в ладони ведьмы что-то засияло, заискрилось и вновь из неоткуда появился крошечный флакон, с легкостью уместившийся бы в ладони младенца, наполненный желтоватой светящейся жидкостью.

– Чудеса! – прошептала девочка, вгрызаясь взглядом в колдовское сияние.

– Iepint,¹⁹ – приказала незнакомка. Ольна в недоумении пожала плечами. Девушка несколько раз прикоснулась к губам.

– Я поняла! Ты хочешь, чтобы я выпила это!

Ведьма кивнула.

– Но не хочешь ли ты отравить меня? – недоверчиво спросила девочка, выхватывая флакон из рук. Нахмутив брови и прикусив верхнюю губу, ведьма сделала вид полного безразличия.

– Терять нечего, – подумала Ольна, взбалтывая желтую жидкость. – Сейчас любая смерть, кроме как от голода, кажется мне сладкой.

¹⁸ Прочь из меня!

¹⁹ Пей!

Открыв хрустальную крышечку, она одним глотком осушила флакон. Ведьма протянула ко лбу девочки три пальца. Ольна, хоть и была напугана, не пошевелилась и не сдвинулась с места.

– Imirpint vor radir muzarir Ogeobynyarovogir, vor ianzopint erir yaomir vor avolsir yaomir. Ovolsir eomir okpeny, vor onaledsint – okperkny...²⁰

К огромному удивлению Ольны, с каждым новым сказанным ведьмой словом, она начала понимать ее, понимать просто так, не вдаваясь в смысл сказанного, не разбирая интонацию и не заучивая сложные обороты.

– ...от начала дня и во веки веков!

Ольна замерла в недоумении.

– Ты понимаешь меня? – спросила девушка сладким голосом. Девочка попыталась что-то ответить, но язык намертво прилип и отказывался слушаться. – Я схожу с ума от того, что творит этот сатаил, – продолжала она, осматривая Ольну с ног до головы. – Ребенок! Ты же еще совсем ребенок! Сколько тебе? Восемь? Девять? Как можно держать здесь детей?! До чего должна очерстветь его душа, дабы дойти до такого? Хотя, о чем я молвлю? Уж ныне не тайна, что души младенческие он уплетает на завтрак.

Ольна продолжала молчать, выпучив глаза.

– Отчего ты молчишь? Снадобье не сработало иль не умеешь? Ты, что, боишься меня? – ведьма засмеялась и девочка, наконец, пришла в себя.

– Ты! Ты! Ты умеешь говорить на моем языке?

– Нет. Это ты, отныне, умеешь говорить на моем языке, – ответила девушка. – Ты обрела разум *Говорящего*. Даровано тебе пять дней на то, чтобы говорить.

– Невероятно, – вымолвила Ольна, – как все это невероятно!

Сознание мало-помалу начинало возвращаться к ней.

– Кто ты, загадочная незнакомка? Ты ведьма? – уже не так смело спросила она.

– Что?! И не стыдно ль тебе, называть меня ведьмой!? – вспыхнула девушка. – Я не ведьма, и уж тем более не чародейка, и не одна из тех марунов, что заперты здесь. Все они – слабее меня и мне подобных.

– Прости, – виновато прожевала Ольна. – Я просто думала, что это синонимы...

– Я тебя не понимаю! – отмахнулась незнакомка. – Оставь земные словечки Земле. Чем меньше ты их будешь применять в речи, тем реже тебя будут сажать в темницы.

– Я попытаюсь, – хлюпнула малютка.

Девушка гордо выпрямилась и скрестила руки.

– Я Элин – волшебница восточных земель и, быть может, всей Дакоты, – представилась она, прищурилась и добавила. – Не ведаю, из каких соображений тебя держат здесь. Как мне известно, всех марунских детей алакс уничтожает сразу, оставляет только сильных мальчиков, которых затем отправляют на войну. Ты девочка. Я не чувствую в тебе силы. Ты не марун. Но если ты не марун, а сатаил иль нечисть, принявшая образ человека, знай: всякая, даже мелкотравчатая угроза в мою сторону и тебя будут собирать по всему Эйлису, ясно?

Ольна в страхе кивнула головой, понимая лишь меньшую часть из всего сказанного. Единственное, что она уяснила наверняка, было то, что перед ней не простая рабыня. «Элин – волшебница каких-то там земель, – повторила девочка у себя в голове. – Элин. Имя то какое странное! Ни Элина, ни Элен, ни Эва, в конце концов!».

– Прости, если я заставила тебя волноваться, – пропищала маленькая пленница. – Я не знаю ни кто такие «сатаилы», ни кто такие «маруны». Я самая обычная девочка с Земли, Земля то тебе знакома. Я Оленфиада. Для друзей – Ольна, просто Ольна. Заперли меня здесь

²⁰ Прими же в дар разум Говорящего, да и познай речь мою и слова мои. Слово мое цепко, что сделано – крепко.

без суда и следствия, понимаешь? Я никому и никогда не причиняла вреда. Я ни в чем не виновата, ну, быть может, лишь в том, что родилась. Ты можешь меня не бояться.

– Бояться?! – Элин засмеялась и ее смех был схож на звон рождественских колокольчиков. – Я ничего не боюсь.

Ее хрустальные глаза посмотрели в никуда, и Ольна поняла, что незнакомка клеветает, но ни ей, а самой себе. С самого начала девочка заметила эту особенность Элин – видеть пустоту. Если случалась так, что они обе сталкивались взглядами, то маленькая пленница не чувствовала ее глаз на себе, будто бы она глядела сквозь нее.

– Запомни это, кроха, – продолжила она усталым голосом, возвращаясь в реальность. – Мне придется просидеть с тобой до темноты, посему не мешай, ничего не проси, не рыдай и не кричи. Каждая туна, потраченная в здешних местах, стоит кому-нибудь жизни.

Ольна снова кивнула.

– Посмотрим! – Элин встала и обошла темницу, осмотрев каждый уголок, каждую трещину меж камнями. Пауки фыркая заползали глубже в свой темный мир. «Кажется для них она страшнее всякого огня» – заметила девочка, провожая взглядом пятерых клыкастых паучков, пробежавших мимо и прячущихся в узких щелях. Задержавшись на мгновение у миниатюрного окошка, волшебница прикоснулась к кровавым следам чьих-то пальцев, и они испарились, превращаясь в порхающих серых мотыльков. Увидев чудеса магии, Ольна чуть было не прокусила язык от восторга.

– Стало быть, – начала волшебница, говоря сама с собой, – здесь он держит всех марунов, всех несчастных марунов! Могу поспорить, что выбраться из сего измерения можно, да только, кожа златоцвета, эти стены не так уж легко будет сокрушить! Знаю, многие пытались. Великие маги, способные повернуть время вспять, пытались разрушить ее, разрушить Аладеф, но она победила, поглотив их. И с каждым таким поверженным магом она становилась сильнее, и он, алакс, становился сильнее.

«О чем она говорит? – спросила себя Ольна, насчитав не меньше четырех незнакомых слов. – Я не понимаю. Кажется, чудное снадобье подействовало не полностью».

– Так значит мы в волшебном мире, – констатировала девочка. – Я так и знала! К счастью, в детстве, я много читала о таких. Здесь есть магия, чудеса, волшебные замки, драконы, феи и огры.

Элин громко цыкнула.

– Разве ты не обещала мне не мешать?

– А разве я мешаю? – удивилась Ольна. – Разве что-то интересное и невероятное может кому-то мешать?

Волшебница перешагнула с ноги на ногу, посмотрела на девочку, которая, казалось, вот-вот была готова взорваться от переполняемого в ней восхищения, и не смогла найти слов, чтобы возразить. Улыбнулась, обнажив белоснежные зубы.

– То сияние, – вдруг вспомнила малютка, – что вырвалось из тебя, чем оно было? Мне показалось, или оно действительно причиняло тебе ужасную боль?

Пленница была загадочна, продолжала смотреть сквозь, будто бы видела за спиной малютки своего давнего друга.

– То, что ты называешь сиянием, именуется «*делисом*». Так названо оно в честь ордена борцов с нежитью, кои и по сей день бродят на просторах Руны, – ответила она, немного удивленная внимательностью девочки. – Первые из них, оставили для нас силы, что и по ныне защищают мидгарды от магии. Жаль, что некоторые используют их в своих корыстных целях.

– Что за силы?

– Знания, разумеется, – Элин резко развернулась, при этом сделав причудливый реверанс. Ольна заметила, что там, где она ступала, взрастал зеленый мох. – Благодаря им многие травники и колдуны познали тайны мира. *Делис* – одна из них. То, что ты видела, было

ничем иным, как сильной магией, способной впитывать в себя все другие чудесные способности марунов, обращая их в ануранов, то есть в тех, кто не питается волшебством. *Делис*, обращенный в запретную сыворотку, колют прямо в сердце, отбирая у таких, как я, самое ценное.

– Волшебные силы, – завершила за нее Ольна.

– Верно, – кивнула волшебница. – Только вот со мной они, кажется, прогадали. Скудоумные прислужники Хедрика полагают, что *делисом* могут смирить мои силы, запереть их в клетке! Не тут-то было! Я есть истинная магия, ни что не может меня сокрушить.

В глазах волшебницы продолжала стоять стена из недоверия к самой себе. Последние слова прозвучали чересчур уж напыщенно. Ольне на мгновение показалось, что Элин не прочь покрасоваться перед другими, особенно перед такими маленькими и наивными девочками, как она.

– Ясно, – промолвила Ольна, завороченно. «Ясно, что ничего не ясно» – подметила в голове. – Ты пришла спасти меня?

– Что? – волшебница обернулась и в недоумении посмотрела на Ольну. Ольна прикусила язык, чувствуя, что было бы лучше, если бы она не задавала никаких вопросов вообще. – Так, давай сделаем следующее, кроха, – змеиной усмешкой Элин заставила девочку вжаться в угол.

– Я Ольна, – шепнула девочка.

– Да хоть Дарт Великий, мне все равно. Давай ты смолкнешь и будешь сидеть смирно и тихо, словно мышь. Я должна отыскать кое-что очень важное и времени у меня в обрез, всего-то до рассвета. Нужно успеть, пока моя душа еще моя.

– Но я ведь просто хочу...

– Замолчи. Я потом решу, что с тобой делать.

– Но так не честно! – Ольна поставила руки на бока и встала. – Ты же у меня в гостях!

– Отлично, гостеприимная кроха, – фыркнула волшебница, – сиди тихо. Как только я найду то, что ищу, сразу же отвечу на все твои вопросы.

– Тогда ищи быстрее, волшебница, быть может, всей Дакоты, – хлюпнула Ольна, немного разозлившись, неуклюжа легла на сноп сена. «Ждать? Ждать?! Это просто невыносимо!» – возмущалась она про себя, с расплывающейся на лице довольной улыбкой. Она так редко улыбалась.

Волшебница Дакоты заплела волосы в две чудесные косы, изредка начинающие воевать с друг-другом за право лежать на спине, и принялась с усердием изучать пол. «Что интересного может быть в полу темницы? – спросила себя Ольна, с любопытством следя за волшебницей. На любые ее действия у нее возникал неопишуемый восторг. – Здесь только сено да пауки!». Элин опустилась на четвереньки, рассматривая каждый камушек, каждую щель и впадину, затем, вытащив из воздуха флакон с сиреневой жидкостью, бросила несколько капель на потолок. И чудо! Сверху-вниз тут же спустились тончайшие веревочки серебра.

– *Покажи мне себя*, – приказала Элин, прикасаясь пальцами к веревочкам, словно к струнам арфы. Комната наполнилась космическими звуками. Вьющиеся веревочки выпрямились, соединились в один узел и там, где их концы коснулись пола, загорелся алый свет, линией вырисовывающий заковыристый символ.

– Как такое может быть? Я изучила эту комнату вдоль и поперек, но ничего не нашла, – выдохнула Ольна, когда на полу появился крошечный горящий знак. – Что это?

– Руна Трелиона. Руна Воина Духа. Является тем, кто дал стенам напиток соком древа жизни, кто принес себя в жертву ради волшебства, – ответила она, касаясь ладонью символ, чем-то похожий на скрюченные бараньи рога. – Магия крови, разумеется, будет играть здесь существенную роль.

– Значит, ты принесла себя в жертву? – спросила Ольна, пропустив мимо ушей последнее предложение.

– Займи себя чем-нибудь, хорошо? – уклончиво произнесла волшебница тоном полного равнодушия. Малютка обиженно фыркнула, отвернулась к стене и нахмурилась. Ей вдруг стало ужасно обидно из-за того, что ее не воспринимают всерьез. Казалось, Элин принимала ее за глупышку, не смыслящую и не понимающую в жизни ничего. «Что ж, она еще узнает, с кем связалась, – обратилась Ольна к себе, – не каждая землянка может выжить после столь ужасных событий, да еще умудриться попасть в иной мир».

Малютка, поджав ноги, посмотрела молящим, жалостным взглядом на незнакомку, пытаясь растопить ее каменное сердце, полное безразличия. Первую минуту Элин делала вид, что не замечает этого, но после сдалась и опустила руки.

– Хорошо, – простионала она. – Что тебе нужно, дитя? Я понимаю, тебе одиноко было все те дни, что ты провела здесь, но я не лучшая собеседница, не лучшая подруга, какой ты меня представляешь. Будь по-твоему: спрашивай все, что пожелаешь, я попытаюсь ответить. Только не строй из себя великую мученицу! Мучеников с меня довольно.

Ольна торжественно объявила свою победу. Что-что, а уговаривать людей она умела – сие было ее скромным даром, щедро отданным Создателем в день ее рождения. Так она уговорила отца выкупить Тавви, которого жадные скупщики хотели разобрать на запчасти, убедила мать приютить дома свору мальчишек-сирот, оставшихся без родни после бомбежки, старого дядю Вэна заставила не сжигать десятки ненужных ему книг, а отдать их ей. Девочка могла и слова не сказать, переманив на свою сторону дюжину людских душ, но при этом она никогда не хвасталась этим и не считала свой дар чем-то особенным и жизненно важным.

Ольна нахмурилась, пытаясь выставить в ряд все тревожащие ее вопросы. Узнать она хотела много чего, да только не могла решить, что именно должно быть первым.

– Где мы? – начала она, цепляясь глазами за босые ноги волшебницы. Ее крохотные ступни приводили Ольну в упоение и заставляли губы расплываться улыбке.

– Мы в узилище алакса, в его Аладеф – черной башне, построенной, чтобы умертвлять и поработать таких, как я. Сюда забирают тех, кто хоть как-то перешел дорогу вездесущему, сатаил его, Хедрику, – ответила Элин, выплюнув последние три слова. – Ты хоть ведаешь, кто эдакой Хедрик?

Кого-кого, а его она знала. Ольна насупилась, ее щеки тут же налились краской. «Хедрик... Хедрик... Хедрик» – эхом отозвался мягкий голос, в голове промелькнул образ высокого человека в черном капюшоне. Впервые она узнала его истинное имя здесь, в ином мире. Он украл ее. Странно, но никаких чувств, никакой ненависти к этому человеку Ольна не испытывала ни тогда, ни сейчас (в отличие от волшебницы, которая, судя по всему, так и взрывалась при каждом его упоминании). Месяц, проведенный в темнице, дал Ольне понять, что она ничего не знает о людской сущности и не в праве винить того, кто заточил ее здесь. Так или иначе, она сама виновата в том, что произошло. Хедрик был лишь ее проводником. Именно благодаря ему она все еще жива, хотя и медленно умирает. «Сгинуть здесь намного приятнее» – сотню раз повторяла малютка, убеждая себя в том, что погибнуть в волшебном неизведанном мире куда благороднее, чем, к примеру, погибнуть под пулеметным огнем от рук какого-нибудь солдата, или кануть в небытие изуродованной и сброшенной в сточную яму к тысячам других таких же. А еще на Земле господствовала язвенная чума. Ольна была готова отдать все на свете, чтобы избежать участи миллионов, заразившихся ею. Да, те миллионы освобождались от лицемерия жестокости Третьей Мировой, но разве можно было считать снисхождением судьбы смерть в муках на руках собственной матери?! Язвенную чуму Ольна боялась больше всего. Скольких детей, покрытых гниющими ранами, проникающими до костей, она видела! Их искаженные тела сотнями выносили за город. Среди них были ее друзья, ее знакомые. Она не узнавала в призраках никого – так сильно изменяла их болезнь. Ольна часами смотрела на себя и боялась, что вот-вот на ней появится крошечный гниющий волдырь, разрастающийся, как гриб в дождливую погоду. Такой смерти она боялась больше всего. «Когда

твой, слившийся с сотнями других усопших, труп выносят вон, и даже мать уж не узнает в нем родную дочь – вот самое страшное, – говорил убаюкивающий голос в ее голове. – Все остальное – мелочь». Вот, почему пленница не ненавидела Хедрика. Возможно даже, она глубоко в душе благодарила его. Хедрик спас ее от участи других смертных.

– Это он привел меня сюда, – прошептала девочка, отмахиваясь от воспоминаний. – Это из-за него я здесь.

Элин бросила на нее заинтересованный взгляд, но следовало Ольне заметить это, волшебница надела маску равнодушия.

– Ты же могущественная волшебница, ты должна вызволить нас отсюда!

– Нет никаких «нас», – отмахнулась Элин. – С чего тебе вообще такая мысль пришла в голову? Прости, кроха, но я не буду нянчиться с тобой. Брать тебя у меня не было в планах, я даже больше скажу: тебя не было в моих планах. Будь ты постарше и по крепче, быть может, я еще бы подумала, но ты... – она окинула Ольну оценивающим взглядом, – хрупкая, маленькая девочка. Ты не сможешь держать в руках ни лука, ни меча, и уж точно не пройдешь дальше своего роста. Поверь, в нынешнем мире тебе не место, появись ты здесь на десять лет раньше, увидела бы его совсем в ином свете, но сейчас... он такой, какой есть. На Руне идет война. Для любого ты будешь обузой. Я не хочу нести бремя твоей кончины на своих плечах.

«Что-то я не видела тут ни ядерных взрывов, ни разрывающих на куски бомб» – подметила девочка и поставила руки на бока.

– Я знаю только одну войну, и я ее пережила, – гордо заявила она, – а значит я не слабая!

– ...я выберусь отсюда до следующего рассвета, – продолжила Элин, пропуская слова Ольны мимо ушей, – а ты останешься. Стража тотчас заподозрит неладное, если исчезнут сразу два пленника. К тому же тебе уже ничем не помочь, ты же понимаешь, правда? Каждый, кто проживает в Аладеф ночь и встречает первые лучи илиуса, отдает ей часть своей души. Твоя душа наполовину принадлежит алаксу, с этим ничего не поделаешь. Ты теперь его, понимаешь?

– Моя душа? – каждое слово вылетало из губ дрожа и обрываясь. – Но зачем ему моя душа?

– Для Хедрика это все. Твоя, чужая... Все души рано или поздно угодят ему на тарелку. Видишь ли, для него они источник немислимой энергии. Души всех пленных Аладеф скапливаются внизу, в чистилище, а затем устремляются в Дарк, где питают его.

Ольна вжалась в пол. Элин подошла и притронулась к ее плечу. Девочка вздрогнула и схватила скатывающуюся слезу губами.

– И нет, мне не стыдно ни за мои слова, – безразлично продолжала волшебница, – ни за то, что я собираюсь сделать. Ты еще кроха, но ты здесь, а значит должна знать правду. Пусть даже если она ужасна. Ты должна остаться.

Хватая слезы руками, Ольна взмолилась:

– Прошу, умоляю, возьми меня с собой! Не оставляй меня здесь! Я хочу домой, к маме. Она там совсем одна. На Земле ведь тоже война! Я должна быть рядом, я обещала папе защитить нашу семью! Как же теперь я выполняю свое обещание?!

– Разве тебя не учили не давать обещаний, которые ты не сможешь сдержать? – сухо спросила Элин, пытаясь не обращать внимания на чужие слезы, медленно опустила глаза и недовольно осмотрела дырявые рукава своего тюремного балахона. – Ты обещала защитить свою семью? От кого же? Земные люди платят своими жизнями за таких, как Хедрик, потому что когда-то побоялись воспротивиться им.

– И что же теперь?

– Мне очень жаль твоих родных, – безразлично сказала она, хватая пальцами серые нити, – но они сами виноваты в том, что случилось и что случится.

Ольна поняла, что вот-вот на нее нахлынет истерика. Девочка упала на сено, разбросав соломинки, и зарыдала. Элин прикрыла уши рукой.

– Хватит рыдать, кроха! Твои слезы подпитывают хранителей!

Ольна не прекращала. Стоны становились тяжелее, вздохи громче и отчетливее.

– Ладно! Ладно! – не выдержав, волшебница резко опустила руки, отчего по полу разошлись снежные круги. – Я подумаю о твоём освобождении, только замолчи, и без тебя голова раскалывается!

Ольна резко замолчала, подняла глаза к девушке, улыбнулась. Элин при виде этой улыбке сделала недовольную гримасу.

– Однако доколе о нём и речи быть не может: для меня ты незнакомка, – грубо отмахнулась она, недовольная своим решением. – Впредь делай то, что я тебе прикажу и, может быть, я возьму тебя с собой, если, конечно, сама выберусь, – девушка повернулась к Ольне спиной и пробормотала себе под нос непотребные ругательства.

Комната резко наполнилась тьмой, илиус скрылся за океаном. Ночь приближалась. Северные горы покрылись туманом, медленно подступающим к башне волной белого пара.

– Что мне делать? – прошептала девочка, будто её подслушивали сотни ушей. Она всегда боялась темноты, но с приходом сюда, на Эйлис, этот страх пропал. Она привыкла к нему.

– Ничего, – послышался голос из мрака, – пока ничего. Мне нужен свет, иначе обряд не совершить. Я вызову полымя.

Раздался щелчок пальцев и из неоткуда появился ажурный, деревянный фонарь, с изогнутым стеклом и хрустальной мозаикой, искажающей извергающийся из него свет. Парящие внутри светлячки походили на волшебные огоньки, сотканые из тончайшего колдовства. На мгновение они соединились воедино и Ольна увидела крошечное лицо с огромным красным глазом, подмигнувшим ей.

– Откуда все эти вещи? – решила спросить она, подходя поближе.

– Ты же не думаешь, что я могу созидать все это из пустоты? – хихикнула волшебница, отправляя фонарик парить к потолку. – Все это – из моей светлицы в граде Тинк-Кросс. Перед уходом я связала её с этим неугомонным духом, так что пока светлая магия остается в стенах моего дома, а этот дух жив, я могу призывать мои вещи.

Девочка подняла глаза к свету – огонек снова подмигнул ей, на сей раз слишком явно. Ольна вздрогнула.

– Он что, живой? – вскрикнула малютка. – Иль я схожу с ума?

– Не бойся. Это огненный рарог. Ох, если бы он был обычным огоньком, да еще и неразговорчивым, я бы была только рада, – замечталась волшебница. – Сейчас же он просто тебя стесняется. Как привыкнет – так не смолкнет, даже перед лицом неминуемой гибели.

– Будь любезна, называть меня все же Духом Полымя, – встрепенулся огонек в фонарике, Ольна от неожиданности вздрогнула. – Я ведь не какая-то простая нечисть, я настоящий медведь! Я покровитель всех лесных зверей!

Голос его был тоненький, сквозь скрежет различался шум горящего паленья. Элин звонко засмеялась.

– Я уж сомневаюсь, что в прошлой жизни ты не был сатаилом.

Огонек недовольно буркнул, выпустив гору дыма.

– Дух Полымя, – представился он, радостно помахав огненной рукой, которая, как взялась из неоткуда, так и исчезла. Мастер форм и иллюзий, огненный рарог посмотрел на малютку черным выпуклым глазом – угольком.

– Ольна, – прошептала девочка, читая на своем лице нотки безумия.

– Неужели земное дитя? – вспыхнул он, приглядываясь к маленькой пленнице. – Здесь? В Аладеф? Как такое может быть, целительница? Разве здесь не маруны должны быть? Мы ведь в клетке, правда? А если мы в клетке, то на благо империи не трудимся, то есть рабами не числимся? А если рабами не числимся, значит мы маруны, но ведь девочка – землянка! Сложно! Сложно! Она ануран-марун? Марун-ануран?

– Полно, рарог, – грубо перебила его волшебница. – Приспело время заняться делом, – она щелкнула пальцем и фонарь засветил ярче. – Если ты мне подсобишь, кроха, – сказала она Ольне, играя светом, – то может быть я решу, что ты не такая уж и бесполезная.

Ольна с радостью кивнула. Элин улыбнулась.

– Отменно, – не на туну не сомневаясь в ответе, волшебница взяла Ольну за руку, – тогда слушай, малютка: все, что окружает нас, не существует на самом деле, это лишь иллюзия. Нет ни стен, ни дверей, есть только могущественная магия, а она, как известно, имеет много брешей.

– Ты хочешь сказать, что нет никакой тюрьмы? – спросила Ольна, пытаясь понять.

– Она есть, но ее нет. Она может быть где угодно, когда угодно, – добавил рарог, вцепившись огненными ручками за стекло.

– Вот почему никто не может ни сбежать, ни укрыться от Аладеф, – продолжила волшебница. – Если бы кто-то и загорелся желанием найти ее с плохим умыслом – он бы никогда не сделал этого. Все вокруг – черная магия, и чтобы сломить ее, нам понадобится много усилий и...

– Но все же ты знаешь, как сделать это, – отозвалось полымя, подсматривая за пленниками. – Знак Трилиона, верно?

– Знак крови, – вспомнила Ольна, опуская глаза на горящий символ. – Ты говорила, что магия крови будет играть здесь какую-то роль...

– Да, – нахмурилась Элин, бесцеремонно перебитая духом. – Все, что я знаю об Аладеф, это то, что ее черную магию защищает три знака: Первый – знак Крови, второй – знак Силы и третий – знак Избранности. Начнем с первого. Знак хранит тайну и эта тайна – наше спасение, но, чтобы разгадать ее, нужно напоить Трилиона своей кровью, а стены – светом.

– Был я когда-то в славном граде Биофе, – завыл огонек, готовый рассказать свою занятую историю, – так там этих рун с кровавой магией – пруд-пруди. Хочешь в таверну – плати кровью, хочешь еды – плати кровью. Я уж думал, что помру от малокровия. А все это – остатки черных магов прошлой эры. Магов как-таковых уж нет, а традиции остались. Мы верны своим традициям, знаешь ли.

– Ты не был в Биофе, – процедила волшебница. – И даже если бы и был, то от малокровия вряд ли бы умер. У тебя крови нет.

– Ты мало обо мне знаешь! Может, в этой жизни и нет, – недовольно застонало полымя, – но моя душа уж много веков странствует по мидгардам. Жаль, я не из совета Мудрых и не помню, кем был в прошлых жизнях.

– Напоим бреши стен соком древа жизни, – продолжила Элин, сделав вид, что не замечает стонов полымя. – Только будь осторожна, пауки будут защищать их!

– Они повсюду! – пугающим голосом добавил огонек. – Берегись, малютка! Один укус и ты – трупик.

Ольна нервно сглотнула.

– Он пугает, – успокоила девушка и обратилась к огоньку, – еще одно слово – отправлю в чулан!

Дух принял форму грустной мордашки.

– Не робей, кроха, – Элин похлопала девочку по плечу. – Они тебя не тронут. Ищи провалы между кирпичами в полу, а я гляну на стены. Ты почувствуешь бреши, когда найдешь их.

– Ты много знаешь об Аладеф, – заметила малютка. – Ты и раньше здесь была?

– Нет, – отмахнулась волшебница, не желая что-нибудь объяснять.

– Уверяю тебя, целительница здесь впервые, – заверил дух, – просто она продумывает всякий ход, перед тем как сделать его, неправда ли? – в глазах рарога заблестели огоньки недовольства, и он начал цитировать волшебницу: – Никто не поймает меня, полымя, пошли раз-

рушим тот лагерь хранителей! Я сама магия, полымя, никто не сможет схватить меня! Хедрик пожалеет, что родился на свет, полымя! Я уничтожу Аладеф, превратив ее в пепел, полымя!

Сейчас ее жизнь могла либо повернуться, да так круто, что голова пошла бы кругом, либо продолжила бы влачить свое жалкое существование в четырех стенах, ожидая смерти.

Острые кирпичные кладки царапали ей колени, локти, но она словно не чувствовала, не замечала этого. «Провалы, бреши, черная магия» – повторяла Ольна, не считаясь со временем. Заколдованная, она начала видеть смысл всего только в них.

Волшебница медленно ходила около стен. Цепкие черные паучьи пальцы выглядывали за каждой трещиной, недовольно хватая девушку за тюремный балахон. Они чувствовали в ней угрозу, но уже не боялись так сильно, как в первые часы. Они догадались о ее намерениях и решили, во чтобы это не стало, помешать наглой волшебнице сломить их власть в этой темнице. Но Элин было все равно на клыкастых защитников. Она взмахивала рукой, и пауки исчезали, превращаясь в серую дымку.

Время бежало слишком быстро, но никто этого не замечал, кроме, быть может, огненного рарога, готового крушить все и вся вокруг от скуки. Комната начала утопать в световом потоке, у пленниц зарябило в глазах. Дух завыл, прыгая в фонаре:

*Ой, как долго, ах, как долго,
Ждать приходится мне вас!
Ой, как часто, ох, как сильно,*

*Сердце бьется каждый раз!
В каждом шаге, в каждом вздохе
Чувствую дыхание,*

*Аладеф здесь отбирает,
Частицы сознания!*

– Тут нет никаких «провалов»! – выкрикнула Ольна, пытаясь перебить боль в глазах и истощную песню рарога. – Какие такие «щели» должны быть вообще!?

– Должны быть, ищи! – приказала волшебница, срываясь на крик. Все были на пределе.

«Что искать? – завопило внутри. – Провалы? Щели? Как же плохо, когда ничего не понимаешь!». Ольна упала на колени и прижала к сердцу холодные руки. Нет, ей не было холодно, ей было страшно. «Бесполезно, – сдаваясь, девочка заплакала, вытирая слезы соленым рукавом. – Здесь ничего нет». Она уже и не надеялась, что что-нибудь найдет, не помнила, когда последний раз ей везло в этом, однако нынче морон был ее оберегом и он решал, когда и что она должна отыскать.

Бесчисленное множество каменных клеток марунов закружились, поднимаясь по спирали все выше и выше, приближаемые к землям Гексиоды, и, достигнув предела, остановились, замерев над раскинутыми лучами Ремени. Подняв мокрые глаза, Ольна увидела молочную дорожку света, что не принадлежала рарогу, не была в его власти, и, пробежав по ней глазами, встретила бледное око треснувшей луны, подсматривающее через крошечное окошко. Морон будто бы улыбнулся ей. Стоило маленькой пленнице задуматься над этим, как темница вновь начала движение, приближаясь к сердцу Аладеф. Освещаемая ночным светилом, она оголила свое дно, и маленький, крохотный, еле заметный луч пробился сквозь толщу камней и паучьих лап, ослепив малютку. Если бы раньше Ольна увидела его, непременно подумала бы, что это

обман зрения, однако сейчас все было иначе. Она нутром почуяла, что это то, что она ищет. Забыв обо всем на свете, не жалея собственных пальцев, пленница расковыряла проем между кирпичами.

– Сюда! – закричала Ольна, прыгая от радости и не чувствуя боли. – Здесь что-то есть! Посмотри, Элин!

– Я тоже нашла, – обрадовалась волшебница, хватая рукой пульсирующую стену. – Морон помог нам – хоть какой-то от него прок. Теперь возьми это, – в руки Ольны упал крохотный флакон с сиреневой жидкостью.

– И что с этим делать? – беспомощно спросила пленница.

– Выпей, – посоветовал рарог. – Я давно мечтал посмотреть, в кого превращаются дети от отвара из сока древа жизни. Говорят, они начинают набухать, как вишни, краснеют, а потом – бах! Взрываются!

– Подумай, кроха! – грозно велела волшебница, бросая недовольные взгляды на рарога и отпугивая от себя черных пауков. – Стены иссохли, так напои их! Одной капли будет вполне достаточно.

Ольна потянула за крышечку. С трудом она поддалась, и в воздух посыпались белые искры. «Всего капельку, одну лишь капельку!» – прошептала малютка и выплеснула половину содержимого на светлую точку меж камнями, испуганно посмотрела на Элин, готовая выслушать дюжину ругательств за расточительное отношение к ее ценному отвару, но волшебница не обратила на случившееся никакого внимания.

– Кажется, пронесло, – выдохнула девочка, как тут же в темницу ворвался белый дым и из всех щелей хлынул яркий голубой свет. Едкий запах плесени заполонил все вокруг, Ольна начала безудержно кашлять.

– Я же сказала, – зашипела волшебница под звонкий хохот духа, – одной капли хватит!

Отмахнувшись от заволакивающей пелены, Элин подняла руки вверх и воскликнула:

– *Успокой свой норов и явись мне!*

Ее голос прозвучал четко и мелодично. Она магией призвала флакон из рук Ольны и вылила остатки на последнюю брешь. Комната превратилась в светлый шар. Серебряные ленты побежали по венам темницы к символу Трилиона, сплетаясь воедино. Со стен, с потолка, с пола устремились тонкие струны, обволакивая собой воздух и выжигая огромную черную надпись из сотен рун.

– Как вы думаете, после всего этого нас еще не заметили? – спросил дух в фонаре, покрывшись пятнами блестящих искр. Элин, как и, впрочем, Ольна, не обратили на его слова никакого внимания.

– Что это такое? Второй знак?

– Нет, – отсекала девушка. – Знак Трилиона все еще жаждет крови, он не открылся нам. Это, – она кивнула в сторону надписи, – заклинание для обряда. Теперь можно приступить к нему. Мне нужна жертва.

– Жертва? – небо обрушилось на Ольну с полной тяжестью, все сложилось в одну ужасающую и пугающую собой картину. – Вот почему ты здесь, почему стражники не отправили тебя в другую пустую темницу... Тебе нужна была жертва!

Рарог и Элин переглянулись, пытаясь понять, к чему ведет маленькая пленница, Ольне же все было ясно. «Неужели судьба берегла меня лишь для того, чтобы сделать жертвой в чужой игре?!» – воскликнул голос внутри, переполняемый горечью от несправедливости. Всепоглощаемой волною девочку накрыла злоба. В любое другое бы время она с радостью согласилась бы умереть, отдать всю себя на свершение благородной цели, но сейчас, когда свобода казалась так близка, когда от нее отделяло всего-то три знака, в ней проснулась жажда жизни и жажда бороться за эту жизнь. Ей захотелось кинуться на волшебницу, растерзать ее в клочья.

– Никакая ты не волшебница! – воскликнула она. – Ты ведьма! Самая настоящая, – она стала ходить из угла в угол, провожаемая удивленным взглядом полымя. – Вот какие ходы вы оба продумали с самого начала! Ты, – Ольга яростно указала пальцем на Элин, – заколдовала стражников, чтобы они посадили тебя с еще одним пленником, чтобы ты свершила свой темный обряд, чтобы убить меня!

Удивленная, Элин скрестила руки на груди, хотела что-то сказать, но Ольга не давала вставить и слова:

– Разумеется, – она подняла руки кверху, охватывая взором весь блестящий искрами потолок, – вас послал Харон. «Маленькая паршивка слишком долго занимает место в моей тюрьме, все ее сокамерники мертвы, одна она держится из последних сил, пора бы ей на покой» – говорил он, не так ли? – полыхая, Ольга вцепилась глазами в волшебницу. Та стояла, не двигаясь, с загадочной улыбкой на лице. – Что смешного? Нравится смотреть, как мучаются, как бьются за жизнь невинные, маленькие?

– Потрясающе, – вымолвила Элин через зубы. Голос ее был спокоен, как никогда, и от этого малютка впадала в еще больший гнев. Она хотела продолжить кричать, но волшебница взмахнула пальцем, не дав вымолвить больше ни слова.

– Она раскусила нас, целительница, – сухо сказала Полемя, превращаясь в желтую светящуюся лужицу, – мы действительно злые приспешники Харона или кого-там еще? Маленькое чудовище в облике миловидной девочки мучает нас больше всего на свете, и мы из кожи вон вылезем, чтобы попасть в Аладеф и уничтожить его. Теперь, когда она все знает, можно со спокойно душой приносить ее в жертву.

Элин приказала взглядом молчать и ему.

– Тебе уже говорили, Ольга, – первый раз она обратилась к малютке по имени, и это испугало маленькую пленницу больше, чем мысли о приближающейся смерти, – что ты такая же, как и все люди на Земле? Они не умеют ждать, не умеют верить словам, никто из них не может быть верен даже самому близкому человеку, что уж тут говорить об незнакомцах?! И ты так подобна им. Самое ужасающее во все этом то, что тебя уже не исправить, даже заточение в Аладеф не сможет выбить ни из тебя, ни из других землян эту хворь, – девушка зашагала к руне Трилиона, оставляя за собой следы из ржавчины. Ольга на всякий случай сделала шаг назад, хотя, безусловно, понимала, что, если волшебница решит ее убить, она это сделает, ее ничто не остановит. Девушка тем временем, присела и вытерла символ рукавом. – Ты, как и большинство людей, не думаешь наперед. Тебе лишь бы сделать – не важно как. Вам, землянам, безразличны те чувства, что вы можете принести своими мыслями, своими словами. Вы мните, будто это просто-напросто слова, но иногда даже самое безобидное слово может оставить непоправимый след.

Ржавчина вспыхнула синим пламенем, волшебница подняла глаза, и Ольга в страхе отшатнулась – глаза пылали.

– Пока ты здесь, пока ты в моем мире, будь добра следить за языком и за своими мыслями, ведь они могут обратить в прах твой единственный шанс на спасение.

Сердце Ольги забило сильнее. Она почувствовала, как у нее подкашиваются ноги. Последние слова врезались в голову. Комната наполнилась странной тишиной.

– Я не намереваюсь приносить тебя в жертву, – перебила ее волшебница. – Знак Воина Духа не предусматривает чью-то смерть. Надобно просто немного крови, вот и все. Это и есть жертва, на которую мне необходимо пойти.

Голова стала невыносимо пустой, Ольга ощутила невероятное облегчение.

– Я не ведьма, я же говорила, – спокойно продолжала Элин, – но, даже если бы и была ею, то в этом не было бы ничего плохого. Не все ведьмы – прислужницы сатаилов.

– Зараза, – невольно произнесла Ольга, чувствуя себя крайне неуютно. – Я как услышала про жертву, так чуть от страха с ума не сошла. Больше не пугай меня так, ладно?

– Значит-с, все земляне такие, – потянул рарог, безмятежно болтаясь в фонаре, как в киселе.

– Ты это о чем? – спросила Ольна, подымая глаза к потолку.

– Обидят и даже извинения не попросят, – фыркнул дух и превратился в надувной шар.

– Ой, – Ольна схватилась за губы. – Я вам таких гадостей наговорила!

– Не то, чтобы, – хмыкнул он, извиваясь. – Просто, знаешь ли, обидно, когда тебя называют приспешником того, с кем ты даже не знаком.

– Прости! Прости! – взмолилась девочка. – Я не хотела. Я ведь не такая, правда! Я... – она опустила глаза, глотая носом капельки слез. – Я очень испугалась. Знаете, все эти дни, проведенные взаперти, я хотела умереть, но, когда представилась возможность... я очень, очень сильно испугалась. Никогда бы не подумала, что во мне проснется такая жажда к жизни, – девочка вытерла лоб рукавом, подошла к волшебнице и взглянула в ее глаза. Может быть от голубого свечения, может от светлячков в фонарике Ольне показалось, что теперь они стали не голубыми, а темно-коричневыми. – Прости, что наговорила на тебя, ты ведь добрая волшебница, правда? Возьми мою кровь, мне не жалко. Бери, сколько нужно.

Волшебница резко отвернулась и встала над руной, протянув руку.

– Ну уж нет. Ты и так еле держишься. Моей крови будет всецело достаточно.

Она взглядом прикоснулась к своей ладони. На туну ее глаза потемнели, опасная магия безжалостно разрезала кожу, красная кровь полилась вниз и обволокла Трилиона – руна загорелась.

– *«Моя кровь омоет твою дорогу, сила возглавит тьму и растворит печать, возложенную на твои врата. Моя частица принадлежит тебе, заberi, как уплату за волю мою, возьми и опоишь ею. Отпусти меня, пленника твоего. Я словом своим мою веру знаменую. Лишь слово это отворит мне путь. Откройся мне, повелеваю!»* – волшебница прочла заклинание и подняла руки вверх, кровь с ее ладони хлынула вниз по запястью к плечу, оставляя на одежде огненную полоску.

Три раза она повторила заклятие. Ничего. Волшебница опустила руки, оторвала часть своей одежды и обернула кровоточащую рану.

– Почему не сработало? – разочарованно хмыкнула Ольна.

– Может ты его неверно прочитала? – удивился рарог. – Может не «твоя», а «моя частица принадлежит»?

– Я не знаю, – девушка пожала плечами. – Я все верно сказала, не может быть по-другому. Ольна стала думать.

– Ты не пленница Аладеф, – вдруг произнесла она, удивляясь своей догадливости. – Ночь еще не прошла, твоя душа все еще твоя. Этот обряд должна провести я.

– Ты ануран, – отсекла Элин, – в тебе нет альвиона, магия крови тебе не подвластна.

– Я должна попробовать, – запротестовала Ольна.

– Не имеем право тебе запретить, – фыркнул рарог, заинтересованно поглядывая вниз. Малютка открыла зажившую ранку на пальце и бросила каплю своей крови на руну.

– Повторяй за мной, – сказала волшебница и начала читать заклинание. Ольна послушно повторила слово-в-слово.

«...Откройся мне, повелеваю!...»

Ничего не должно было произойти. Элин была уверена, что ничего не произойдет. Одним движением руна Трилиона ушла вглубь под кирпичи, что-то щелкнуло и на этом же месте всплыла турмалиновая замочная скважина. От удивления волшебница потеряла дар речи.

– Знак Силы? – сломлено спросил дух, облизывая длинным языком стекло.

– Это он, – выдохнула волшебница.

– Я справилась! – воскликнула Ольна, начиная хлопать в ладоши. – Теперь ты видишь, что я не бесполезна?

Элин сомкнула брови, делая вид, что не обращает внимание на крики малютки.

– Нельзя терять времени, – перебила она Ольну, которая уже во все горло кричала «Я молодец!». – Рарог?

Дух надул щеки, покраснел и, потужившись, срыгнул золотой ключ, что взлетел в воздух и, проскользнув через стекло, будто пройдя сквозь пшеничное тесто, приземлился в руки волшебницы.

– Ключ от всех темниц, – похвасталась она, вставляя его в замочную скважину.

– Откуда он у тебя? – удивилась Ольга. Элин загадочно улыбнулась. Один поворот ключа заставил всех замереть. Пол под ногами задрожал. Элин отошла к стене, прихватив за руку Ольну. Чудилось, что вся комната сейчас же упадет в бездну. Пыль обрушилась, пауки, бешено перебирая лапками, собрались в огромную стаю и ускользнули прочь из темницы через крошечное окошко. Серебряные нити исчезли, руна Трилиона разломилась на три части, каждая из которых спустилась вниз, закручиваясь спиралью и образуя узкую кривую лестницу. «*Проверим, кто ты есть на самом деле*» – выбилась надпись по краям образовавшегося колодца.

– Что это значит, Элин? – спросила Ольга, увидев незнакомые символы.

– Проверим, кто ты есть на самом деле, – прочитал фонарь, опередив волшебницу. Элин и Ольга переглянулись.

– Рарог, – властным голосом призвала его Элин, опуская полымя вниз и освещая образовавшуюся черную бездну. Темнота скрылась прочь, вслед за светом потянулись черные тени скрипучих каменных ступеней. Огненный рарог начал громко чавкать в фонарике, пытаясь словить ртом паутину, свисающую в колодце со всех сторон.

– Стой! – громко закричал дух, чуть было не подавившись, почувствовав столкновение с дном. – Дальше дороги нет, – он осмотрелся по сторонам, превратив свой огромный глаз в сотню крошечных и охнул. – Ого! Тут столько иероглифов!

– Там есть выход? – прокричала Ольга ему, наклоняясь над пропастью. Ее голос, сотню раз отразившись от стен, заставил фонарь дребезжать и чуть было не проделал трещину в стеклышках. Элин встала на колени, опустив голову в колодец. Казалось, ее огромные косы, упавшие вниз, вот-вот готовы потянуть ее за собой.

– Не кричите там! – пригрозило полымя, почесывая надувшиеся огненные уши. – Сейчас гляну.

Дух опустил голову, надев воображаемую шапочку сыщика и приклеив угольные усы. Как только его взгляд коснулся золотого сияния дна, лицо тут же переменилось, глаза сузились, он нервно захихикал.

– Что там? – спросила, ослепленная вспыхнувшим от него светом, Ольга.

– *Заврад Контиум*, – послышался хлипкий голосок.

– Что? Что это значит? – девочка обратила взгляд к волшебнице. Элин застыла в серебряном сиянии, словно мраморная кукла. Губы ее задрожали, вскочив, дикой ланью она помчалась вниз. Ольга поняла, что ничего хорошего это не предвещает. – Эй! Мне кто-нибудь объяснит, что происходит?

Никто не ответил, Ольга неохотно направилась к каменным ступеням, в надежности которых она сильно сомневалась – перил не было, а до дна – слишком далеко, так что каждый шаг мог оказаться последним. «Давай, ты сможешь!» – подбодрила себя девочка и аккуратно встала на первую ступеньку. Ступенька тут же пошатнулась и недовольно скрипнула.

– Вот видишь – все хорошо. Они крепкие.

Ольга, прижавшись к стене, быстрыми шагами спустилась вниз. Голова закружилась от круговорота. Еще один круг и в лицо хлынул свет. На миг пленница потеряла дар речи. Это были самые красивые ворота на свете, когда-либо увиденные ею. «Прекрасная ювелирная работа. Каждый штрих изготовлялся не одну ночь, – заметил голос в голове. – Что это за материал?»

Цвет врат, что раскинулись под ее ногами, был не постоянен. Мгновение он блистал белым золотом, следом – красным, синим, зеленым...

– Дарк во всем своем великолепии, – сказал рарог, рассматривая алмазный замок, выгравированный тонкими штрихами. Извиваясь и бушуя, у его подножья голубыми самоцветами расстиралось море, словно настоящее, а там, где виднелся золотой закат, возвышался белый одинокий маяк с исходящим из него огненным маревом. Ажурные лепестки граней, собирающиеся в центре непостоянным златоцветным бутоном, расползались по вратам змеями во все стороны света, цветы украшали лиловые поляны у раскинувшихся берегов заброшенных рек, вода в которых поблескивала рыбьей чешуей под звездным водоворотом неба.

Ольна почувствовала, что вот-вот лишится глаз и резко отвела взгляд.

– Это что, люк? – спросила она, прикасаясь пальцами к мягкому, холодному, каменному полотну.

– Врата, кроха, – поправила Элин, – это врата златоцвета. Последний знак – знак Избранности.

Элин грубо подняла фонарь. От столь резкого движения рарога внутри просто-напросто расплющило по дну. Удивленная такому безобразному отношению к духу, Ольна хотела было выразить свое недовольство, но, взглянув на волшебницу, поняла, что не стоит.

– Что-то не так? – спросила она. Элин развернулась и, не оборачиваясь, пошла наверх.

– Все не так, Ольна, – ответила она на ходу. – Все! Ах, ты же не понимаешь! *Заврад Контуум* – чрезвычайно редкий и крепкий златоцветный сплав. Именно из него сделаны эти врата, кроха.

– И? – выдавила девочка. За Элин продолжил рарог:

– Их не открыть. Цена за избранность, которую они требуют, слишком высока. Древняя, очень сильная магия заточена в них, малютка. Открыть такие врата может только их создатель, либо тот, кто имеет от них ключи. Так как мы ни те, не другие, то пробывать нам в этой темницы до самой кончины!

Ольна задержала дыхание. «Как такое может быть? Элин же волшебница! Разнесла бы эти врата в ключья, да и все дела!» – возмутилась она.

– Нет, Ольна, – отсекла Элин, будто читая мысли девочки. – Волшебство здесь бессильно. Их магия сильнее, чем любая другая на свете. Все кончено, – сдаваясь, Элин скатилась вниз по стене. – Теперь отсюда есть только один выход – смерть.

– А если взорвать стены темницы, и...

– Ты мнишь меня всевластной?! – закричала она. – Эти стены заложил сам Хедрик. Ты думаешь, его просто так величают самым могущественным волшебником Эйлиса и всего Семимирья?

Аладеф ликовала. Она уничтожила все то последнее, что было у Ольны: ее надежду. Морон жалобно скрылся под седыми тучами, опечаленный своим поражением. Черные пауки возвратились домой.

Неуклюже перебирая ногами, Ольна подошла к Элин и села рядом. Мягкие бурые волосы девушки коснулись плеч малютки, косы обхватили ее, прижимая поближе.

– Раз уж нам придется провести здесь остатки наших жизней, Расскажи мне, как ты попала сюда? Что это за мир? Откуда ты сама? – осыпала Ольна градом вопросов незнакомку, решив начать все сначала.

– Терять нечего, целительница, – жалостно пропел рарог, – мы все и так умрем. Ты можешь рассказать ей свою историю. Больше никто и никогда ее не услышит.

Волшебница Дакоты сдалась. Паучьи лапы сладостно обхватили ее со всех сторон.

– Если ты так хочешь, я поведаю тебе свою историю, – шепотом начала Элин, закрывая глаза. – Я помню лишь последнюю ее часть, но думаю, этого хватит. Предупреждаю: она

жестока и ужасна, в ней нет смысла, нет долгожданных побед добра, нет ничего, что могло бы радовать.

– Как и моя, Элин, – прошептала Ольна, прижимаясь к волшебнице. – Боюсь, мы с тобой очень похожи, хоть и жили в разных мирах.

– Нет, кроха, мы совсем разные, похожи лишь наши миры.

– История страшна. Ты не боишься? – заинтересовался рарог.

– Я давно не боюсь страшных историй, – ответила девочка. Элин свела брови на переносице. Длинная прядь бурых волос упала ей на лицо и спрятала глаза. Фонарь осветил ее темный силуэт, и Ольна увидела, как ее губы дрожат.

Глава третья. Целительница Дакоты

*Он защитит тебя от зла,
Накроет облаком соблазна,
Он, словно мысли пелена.
Вторая жизнь тебе дана!
Ты одна часть большого сна.*

Дигорин Виетталь, «Сборник прозы Норгрота» I ЭТВ

Мягкая перина, еще вчера гладко уложенная и разглаженная, нынче сморщилась, превратившись в белый кусок ненужного полотна. Элин не умела спать спокойно. Чуждые сны тревожили ее разум. Не знала она, чьи они, да и как попали в ее голову. Возможно она бы нашла в них истину, да только просыпаясь, тут же забывала обо всем.

Все глубже ныряя в подушку, Элин ласкалась в кровати до тех пор, пока лучи илиуса не заставили ее проснуться, оторвав от нежных ласк хлопкового одеяла. Открывая глаза, она глотнула губами холодный горный воздух, спустившийся с Верных гор, морозную свежесть, укрывшую град своей тенью, и сладкий запах цветов пришедшего на восток гоменуса. Элин зевнула, высвободив горячий пар, а тот в свою очередь покрутился над ее головой и, обратившись в смешных балеонов, умчался через открытое окно прочь, попутно подхватывая легкие шторы, расписанные пестрыми подсолнухами. Девушка села на край кровати, свесив вниз босые ноги. Книги на полках весело зашуршали страницами, призывая волшебницу прочесть их, туалетный столик распахнул свои ящички, предлагая ей надеть какое-нибудь необычное магическое ожерелье, ковер на деревянном полу чуть-было не подпрыгнул, радостно виляя кисточками, словно увидевший свою хозяйку щенок, и лишь отражение лохматой девушки в зеркале, что стояло напротив, завидев соню, попыталось вернуть ее обратно в кровать.

Распахнув шкаф, Элин начала одеваться. Придумывать себе наряд у нее совершенно не было сил, оттого она накинула легкий белоснежный халат поверх ночной рубашки, причесала локоны волос и наскоро завязала их лентой. Босыми ногами выбежала в коридор, увешенный амулетами, ловцами снов и оберегами, промчалась мимо распахнутых настежь окон, на ходу поливая зеленой лейкой незабудки и примулы, скатилась по винтовой лестнице вниз на первый этаж.

Это был самый обыкновенный дом светлого лекаря. Бурые стены увешивались всевозможными сушеными растениями. Здесь были и грузди бузины, и цветы белены да барвинки, собранные в день полного морона, и чертополох, что развешивался у массивных деревянных дверей для защиты от нечисти, и тысячелистник. Пестрыми пучками торчали из всех щелей можжевеловые веточки – защитники, на столе у окна и на подоконниках развивался буйный огнецвет – уж больно редкий цветок, посаженный в древесные горшки. Шумели мандрагоры²¹, кои совсем недавно начали цвести, превратившись в капризные вечно недовольные кусты. Они так и норовились цепкими лапками схватить баночки с зельями, да бросить их наземь и в дребезги разбить, выводя из себя зачарованную метлу-уборщицу. Огненный рарог, восседающий в цветном фонарике над всеми, то и дело взывал от скуки, читал названия волшебных эссенций и мазей в слух, вступал в перепалку с назойливыми сильфами и смеялся, видя, как тлеют паленья в печи и саламандры прощаются с миром живых.

А зелья! Сколько здесь было бутылочек, скляночек, фарфоровых блюдец и тазов! Шкафы, через край набитые ими, казалось, вот-вот лопнут. То и дело один флакончик падал вниз, но не разбивался, подхватываемый летающей метлой.

²¹ Мандрагоры – невоспитанные растения.

Столы, стулья, полки – все замерло, ожидая хозяйку волшебного таинства. Ударом звонких колокольчиков часы на стене огласили двенадцатый час. Элин еще раз поругала себя за то, что легла вчера слишком поздно, подошла к закрытым ставням и распахнула окна, впуская в дом вольный град Тинк-Кросс во всей его красе.

Представить сложно, но темному владыке нынче принадлежала большая часть материка, столь огромного, что потребовалось бы не меньше тридцати полных видх, чтоб обойти его с запада на восток, а с севера на юг – и того больше. Десятки тех, кто нуждался в помощи – маги, колдуны, чародеи – все те, кто умел управлять магией, бежали прочь от войны и устремлялись сюда, пересекая Полудимские болота, лес Зормана и заброшенное ущелье Стоурлена, тысячи – погибали от кары алакса. Теперь все знали, что треть великих градов пала под властью владыки, как и весь запад Руны, и только Дакота держалась из последних сил. Здесь все оставалось как прежде, как и тысячи лет назад. Этот маленький мир Тинк-Кросс, у подножья Верных гор у берегов Азгурна, впадающего в Эвингер, был частью Дакоты – земель востока Руны, куда не добрались законы новой империи, законы, избранного тьмой, правителя мира.

Она ведала, что твориться в Септимае и что будет, если алакс доберется до востока. Элин знала обо всем этом не только по слухам, бродящим в городе, но и видела своими глазами. В сии страшные времена, когда души живых стали обменной монетой, гардвикам была нужна помощь как никогда прежде, и именно в ней юная волшебница нашла свое призвание и судьбу. Она была помощницей здешнего лекаря, на ее хрупких плечах лежала огромная ответственность за раненых, искалеченных и умирающих.

Юлий, будучи не только прекрасным знахарем, но и алхимиком, обучил ее всем премудростям своего мастерства. Не так давно занявшись лекарским делом, девушка получила невероятный успех во всем, за что бы она не бралась. В голову бывало даже закрадывались странные мысли о том, что в прошлой жизни она побывала замечательным колдуном, ибо сейчас дух колдовских навыков жил в ее крови. Она научилась легко различать травы, смешивать их и создавать настоящее волшебство, не используя марунского дара. Слава о славном лекаре Юлие Септимусе и его удивительной помощнице «магессе» разошлась по всей Руны. Гардвики стекались в Тинк-Кросс со всех уголков материка только для того, чтобы получить заветную целебную баночку от юной целительницы без прошлого.

Она часто путешествовала, дабы найти редкие ингредиенты, отправляясь далеко на запад от дома в захваченные алаксом земли, и, может быть, делала это еще до того, как оказалась в Тинк-Кросс. Навсегда оставшись без прошлого, волшебница ведала лишь то, что теперь этот град ее дом. Она не знала о своем прошлом ничего и лишь искрометные мгновенья, редко вспыхивающих воспоминаний, давали ей понять, что оно у нее есть.

Ей нужны были травы, столь редкие на востоке. Тайно и незаконно она пробиралась в леса, лежащие на землях темного владыки, и там видела боль и страдания, глумления над невинными душами. Ярость закипала в ее крови, но Элин не могла ее выплеснуть, ведь прекрасно знала, что схвати ее стража, Юлий, да и весь Тинк-Кросс окажется совсем беззащитным перед лицом врага.

Юлий стал всем для нее: отцом, другом, спасителем. Она пообещала, что не оставит его никогда, и даже если Хедрик и его войско доберутся до них, в гневе убьют всех, кто встанет у них на пути к вольному востоку, она будет сражаться с врагами до последнего вдоха.

Империя алакса стояла на крыльце, и лишь крепкие ставни непроходимых Верных гор и бурные потоки Азгурна сдерживали ее там, не пуская вовнутрь, а сломи их она – от Тинк-Кросс не осталось бы и следа. Запад показал, что не готов к войне, что эйлисы разучились воевать. За десять долгих лет восток, что многие столетия славился своей чистотой и невинностью, не смог подготовиться к новому удару. Дакота была легкой мишенью и Элин это видела. Законы Мудрых гласили: даже на пороге своей смерти не смей убить врага, если в нем бежит кровь, сердце бьется, а душа все еще может любить. Законы Мудрых отбирали у эйлисов последнее

оружие, связывали их крепкими путами, но для Элин Джейн эти путы были не страшны. Совет Мудрых был для нее чужд, да и сам Эйлис, кажется, смотрел на нее, как на чужую. Видя, как убивают незащищенных женщин и детей, как наносят смертельные удары им приспешники алаксы, она должна была почувствовать страх и тут же приклонить колени перед Мудрыми, требуя от них спасения. Так бы поступил, наверное, каждый, но не Элин, не она. Девушка чувствовала лишь гнев – столь не знакомое для всего Эйлиса чувство, знала, что готова убить ради тех, кто ей дорог.

Откуда она? Откуда в ней столько магии и столь могущественной силы? Почему она здесь? Почему ничего не помнит?

Элин часто приходила к мысли, что Эйлис – не ее родной мидгард. Она пришла откуда-то из далека и ответы найдет именно там, жаль только дорога в те дали затерялась. Все, что она могла – это жить, не оборачиваясь назад, и спасать жизни в ни в чем неповинных гардвиков, ставших добычей темного волшебника, преследующего неясные цели.

– На пороге стеснительный посетитель, – буркнул огненный дух.

– Стеснительный? – засмеялась Элин.

– Весьма, – кивнуло полымя, заглядывая в крошечное зеркало, связанное с цепочкой кристаллов, с помощью которых он спокойно мог следить почти за всем домом, улицей, двориком и садом. – Вот уже час трется в коридоре и боится что-нибудь сказать! Целитель ушел еще утром, так что тебе самой придется принять его.

– Ты так говоришь, будто мне это в тягость, – фыркнула волшебница и вышла в коридор. Охнула. В сумраке догорающих свечей стоял жуткого вида серый альв с глубоким ранением в левом плече. Стрела проткнула насквозь. Казалось, раненый вот-вот упадет. Синяя альвийская кровь заливала всю его одежду, покрывая ее мутными разводами цвета скисшего молока, каплями падала на чистый пол. Метла, подлетевшая к его ногам, судорожно вздрагивала с каждым новым кровавым пятном.

– О, Великий Гомен! – вскрикнула девушка, и от ее голоса погасшие свечи вновь зажглись. – Почему вы никого не окликнули? Вам же срочно нужна помощь!

Хромая, он продвинулся к центру коридора, дрожащими пальцами показал на свои губы.

– Все ясно, – сказала волшебница, качая головой. – Чары немоты, верно?

Альв согласительно кивнул.

– Вам повезло, – послышался язвительный голосок рарога, – с вами целительница – магесса, что снимет их в два счета! Не в каждом доме лекаря встретишь такую, а?!

– Не пугайтесь, – милым голоском пропела волшебница, хотя альв и не собирался пугаться, – это огненный рарог, все время молотит всякую чушь. Сейчас сниму их! – Элин встала на носочки (альв был на три головы выше ее), прикоснулась ладонью к щеке раненого и теплый свет пошел от каждого ее тонкого пальца к его лицу. Он резко выдохнул, выпустив из носа сгусток черного пара.

– Ваш друг совершенно прав, – сказал альв, откашливаясь и выплевывая серую желчь, покрывшую его язык и зубы. – Видхи не зря направила меня именно к вам. Благодарствую! Благодарствую!

– Тихо, тихо! – нахмурившись, прошептала волшебница, подхватывая его за руку. – Вы потеряли немало крови, вам надобно прилечь. Немедля! Я займусь вашими ранами.

Она повела его в гостиную и уложила в белоснежную койку, аккуратно спрятанную за ширмой, украшенной цветной мозаикой. Щелкнув пальцем, девушка приказала блюдечку с водой и полотенцу подлететь к ней и замереть в воздухе. Приступила к промыванию ран. Ее не интересовало, кто мог совершить такое. Ответ был ясен, как морон в тихую ночь – то дело рук нежити алаксы.

В комнате стояла тишина и только звуки пения птиц и лошадиных копыт доносились из городских задворков.

Серый альв лежал тихо. Он изредка опускал туманные глаза на своего лекаря, подхватывая взглядом златоцветный амулет на ее шее и смеялся, когда сильфы, разгневанные болтливым рарогом, устраивали в комнате ветреную бурю. Мандрагоры подымали свои головы из горшков, с ухмылкой бросали в адрес незнакомца редкие язвительные шуточки, но следовало ему посмотреть в их сторону, как те тут же умолкали.

Смерть тихо, но злобно отступила. Элин призвала магией пару ажурных пузырьков с полки и бросила каплю на вспоротую кожу. Раны были промыты и затянуты.

– Глубокие у вас были ранения, – сказала она, убирая со стола лечебные приборы. – Останутся шрамы, но как говорится на Земле: шрамы украшение мужчины.

Альв засмеялся.

– Так говорят только на Земле, но вы правы. На моей родине меня почтут за воина.

– Вот возьмите, – Элин протянула ему второй пузырек, – эссенция Лутиса. Пейте, разбавляя с водой, в течении трех дней. Она поможет вам избавиться от заразы, что могла попасть в вас.

– Что я вам должен? – спросил он, вставая. Элин уже прибирала стойку от мокрых кровавых тряпок.

– Должны? – удивилась она. – Что вы такое говорите?! Разве мы с вами не истинные эйлисы? Это алакс привел на Эйлис плату, но мы не должны ему потакать. Я верую в свободную Руну и надеюсь, она таковой и останется. Мы не должны друг-другу ничего. Если, все же, хотите сделать что-нибудь полезное, помогите другим на лесных заставах. Сейчас все наши воины там, а я погляжу, вы воин...

– Был им когда-то, – альв немощно пожал плечами, – да долгие столетия мира сделали свое. Я давно не держал в руках ничего крепче топора, нынче взялся за лук и вот что из этого вышло.

– Как же вы умудрились сами себе всадить стрелу? – спросило полымя, нагло подслушивающее разговор. Элин бросила на него разгневанный взгляд.

– Хранители помогли, – усмехнулся мужчина, – а еще в придачу наградили темным заклятием!

– Тогда вам лучше вернуться домой, – посоветовал рарог. – Вы же из Инки, верно? Так может приведете сюда пару тысяч своих? Как мне известно, у вас там почетно быть хорошим воином и убийцей, а у нас таких на всем материке по пальцам пересчитать можно.

– Ни вернуться, ни помочь, – грустно выдохнул альв, опуская взгляд. – Разве вы не знаете? Главное зеркало – зеркало Переходов было перенесено из столицы восьми Мудрых на юг, в Галадеф. Все, нынче имперские, зеркала там. Дальше материка никто не покинет мидгард.

– Почему Мудрые разрешили ему? – спросило полымя и тут же ответило на свой вопрос. – Ах, да... Мудрые уже не Мудрые.

– Ужасно! – Элин взмахнула руками и полотенце исчезло. В ее темно-желтых глазах вспыхнуло непомерное недовольство. – Зачем алакс сделал это? Еще Гомен Трокториум семь тысячелетий назад, связав зеркала с Септимом и таким образом превратив град в сердце магической защиты от червоточин, взял клятву с каждого из первых Мудрых хранить и оберегать зеркало Переходов. Перенос зеркала с Септима в Галадеф будет равносителен его уничтожению! Алакс должен был это знать!

– Уверен, он знает, – успокаивающе произнес незнакомец мягким тоном, – да только алаксу безразлична Руна. Ему нужны души и не имеет значения как они к нему попадут. Когда зеркало взаперти, мертвые бесцельно скитаются по миру, а он и его слуги подбирают их. Теперь нежити столько, что даже делисы не справляются!

– Иначе и не может быть, ведь для пожирателей настало время пиршества. Скоро их станет в три, четыре раза больше! Особенно перед Слиянием, – проскрежетал дух, превращаясь в зеленый шар.

– Никто не сбежит, – продолжал альв, – никто не придет к нам на помощь. Хедрик закрыл все пути к отступлению.

Элин с удивлением посмотрела на альва, сильфы, что парили над его головой, тут же попрятались за шкафом, а огненный рарог во всю ширь распахнул огромную огненную пасть, выражая свое восхищение. «Он назвал его по имени!» – послышались восклицания.

– Кто мог бы приспеть к нам на подмогу? – спросила волшебница, делая вид полного безразличия к его резкой смелости. – Я боюсь, другие альвы не поверят, что нынешний Совет Мудрых – подделка, и не восхотят начинать войну между мидгардами, а маги Горкаса бросили нас, – Элин вздохнула, опечаленная картинками ужасающей истины.

– Ладно... Долой все это! Вы туны назад были на грани смерти, не гоже мне говорить о плохом, – она щелкнула пальцем и в комнату из кухни влетела тарелка, наполненная фруктами и сырами, а за ней – два стакана молока. – Угощайтесь, – предложила волшебница, и заметив взгляд альва, тут же добавила, – отказ не принимаю!

Они уселись у окна и стали молча есть. Альв с трудом уместился в человеческих покоех, а сидя на высоком стуле, так вообще касался головой потолка. Он то и дело задевал плечом бронзовый канделябр, свисающей со стены по правую сторону, и в конце концов обломал все имеющиеся в нем свечи, неуклюже извинился.

Искоса бросая на незнакомца одинокие взгляды, Элин подметила, что не такой уж и жуткий он был, как ей показалось сначала. Возможно, для других альвов он мог бы быть эталоном красоты: высок, строен, чистокровен, скулы широкие, глаза большие, волосы длиннее, чем у нее самой, кожа отдает синевой. Он был молод, хотя возраст альвов, да, как и любого эйлиса, был обманчив. Немного подумав, девушка дала ему не больше трехсот лет.

– Что не говорите, но еда – лучшее из лекарств, – заявила волшебница. Он кивнул головой, но, кажется, продолжал думать о своем, оставаясь серьезным. «Ничего не чувствую, никакой ауры или эмоций. Либо с моей магией что-то не так, либо он еще не пришел в себя после ранения» – заметила она.

Еда таила на губах. Тинк-Кросс славился своими превосходными сырами – таких никто больше не делал на всем материке. Они подстраивались под вкусы людей: могли быть сладкими и горькими, мягкими и твердыми, с кислинкой и без. «Вы каждый день плетете из кожур златоцвета шедевры кулинарии, но никто не вспомнит ваши имена, дорогие маги» – подумала Элин, проглатывая последний кусочек сыра, как вдруг альв встал. Он повернулся к ней, на миг их взгляды соприкоснулись, волшебница почувствовала вокруг странную, еще не знакомую ей ауру, но она мигом растворилась, оставив ее в недоумении. Он отвел глаза, на виру замер и упал на колени перед ее босыми ногами.

– Благодарю вас, Элин Джейн. Вы спасли мне жизнь!

Девушка никак не ожидала подобного, оттого замерла с набитым ртом и выпученными глазами, попыталась проглотить ситуацию. Огненный рарог, что заприметил происходящее слишком поздно, удрученного завыл.

– Встаньте! Вы меня смущаете, – приказала она, свой голос услышав издалека.

Он тем временем порылся в балахонах и выудил оттуда крохотный кинжал. Подхватив ее руки, альв вложил его в ее ладони.

– Сей дар мой вам – *Дэгриль*. Примите его от меня, как подарок от всего темного альвийского народа.

– Что вы! – отмахнулась волшебница. – Оружие? Оно ведь не отсюда, верно? Я не возьму...

– Возьмете, – улыбнулся он. – Отказ не принимаю!

– К чему оно мне? – спросила волшебница, сдаваясь.

Альв обратил взгляд к Тинк-Кросс, что стелился за окном под слепящими лучами или-уса.

– Руне предстоит пережить трудные времена, – сказал он. – Вы лучше меня знаете, весь запад сейчас в огне. Вода тушит огонь, но ненадолго. Скоро пламя достигнет берегов востока, и тогда нам уже не спастись. Мы все будем бороться либо на стороне тьмы, либо на стороне света.

Некогда темные альвы были предсказателями. Мог ли незнакомец видеть будущее? Скорее всего, нет. Как и все существа Семимирья, темные альвы многому разучились по прошествии тысяч беззаботных лет. Они стали более приземленными и их дар рассеялся.

– Вы намного сильнее, чем кажется, – продолжал он, бросая смешные взгляды на амулет. Элин очнулась от раздумий. Голову словно опустили в ледяную воду. «Он знает. Откуда? Откуда он знает о моих силах?» – закричало все. Для народа она была простым магом – маруном, способным управлять магией лишь с помощью безделушки в роде амулета или посоха. Но на самом деле Элин Джейн могла создавать прекрасную, по своей красоте, и ужасную, по своей силе, магию без проводников. Те силы, что подарил ей Создатель или кто-либо еще, были опасны не только для нее самой, но и для окружающих. Никто не должен был знать, кто она на самом деле, ведь она – такая же, как и он, такая же, как Хедрик. Она – волшебница.

Юлий был единственным человеком, знавшим о ее тайне. Когда ему стало известно, что Элин обладает своей собственной интуитивной магией, он испугался. Для других она бы вынуждена была принять одну из двух крайностей: стала бы идиолом победы и отверженной борьбы за освобождение, или обратилась бы в жертву ненависти, обращенной на другого, но отданной ей. И того и другого Юлий допустить не мог, ведь для него она стала кем-то больше, чем просто помощницей. Она стала его дочерью, и он не мог допустить гибели еще одной.

Вирин погибла за год до того, как Септимус отыскал в диком лесу бездыханную брошенную девушку. По просьбе отца дочь лекаря отправилась на Полудимские болота за огневиком. Через видхи ее тело принесли в Тинк-Кросс, растерзанное нечистью. Юлий не смог простить себе ее гибель, Элин Джейн стала его последней надеждой на искупление. В первый же день их встречи Септимус дал волшебнице амулет – обманку. Для всех других он был амулетом, питающим девушку магией, но для нее самой он никакой ценности не представлял. Он мог собирать и концентрировать силу, однако в этом волшебница не нуждалась. Она сама была амулетом.

Элин схватила бокал и нервно выпила воды, волшебным образом сменившей молоко.

– Я верю, ваши силы способны остановить его, – продолжал альв. Он не назвал имени, но Элин поняла, о ком идет речь. Девушка еще до конца не верила, что в таком огромном мире, после Эры Главенствования, не осталось ни одного сильного волшебника, а в нынешнем Эйлисе их только двое.

– А это, – он указал на кинжал, – это мой талисман. Он привел меня к вам, и я выжил. Я хочу, чтобы он помогал вам в трудные туны так же, как помогал мне. Надеюсь, вы узнаете себя настоящую и он, – альв снова посмотрел в сторону кинжала, – никогда вам не понадобится.

В комнате наступила такая тишина, что было слышно, как дышат мандрагоры. Рарог с изумлением и восторгом повис в воздухе, превратившись в белое облачко, сильфы замолкли и улетели прочь через открытое окно. Альв выпрямился и, нагнувшись, прошептал Элин на ухо:

– Помните: три крови освободят его силу. Первая – кровь предателя, вторая – кровь врага, третья – кровь друга.

Девушка была готова сказать сотню слов, крутившихся у нее на языке, но какая-то странная аура, царившая вокруг, не давала возможности произнести хоть слово.

– Мы еще встретимся, Элин Джейн, – сказал альв, резко развернулся и вышел из дома. Волшебница не успела даже попрощаться и осталась сидеть в недоумении, держа в руках маленький кинжал.

– Три крови, – повторил рарог, гордый тем, что обладает превосходным слухом. – Что за бред он только что сказал?

Еще некоторое время он думал над этим, а затем перевел все свое внимание на мандрагор, копошащихся в горшках.

«Вы намного сильнее, чем кажется» – сказал он и эти слова запали ей в душу. Элин чувствовала, что способна на большее, что баночки с зельями и бинты – не то, чего она хочет от жизни на самом-то деле. В ней много магии, и, научись она управлять ею, ни Хедрик, никто либо еще ей не будет указом. «Если алакс может быть таким сильным, почему я не могу?» – спрашивала она себя. «Ты никогда не будешь столь же сильна, как и он, – отсекала та девушка, что не верила в себя. – Он умнее, старше и хитрее тебя. К тому же черная магия всегда была сильнее светлой, ведь разрушать легче, чем строить. Ты превратишься в его очередную жертву, не более». «Это неправильно, – не соглашалась Элин, готовая рискнуть. – Ну и что, что он старше, что умнее? Глупости. Сила не в этом. Я не хочу допустить, чтобы его власть дошла до Дакоты и убила ее. Если Хедрик причинит вред хоть кому-нибудь из моих друзей, я обещаю, я наплюю на все законы Эйлиса и убью его». «Алакс там, в своей цитадели в сердце убитого града, окруженный тысячами бессмертных воинов, – прошептала Элин, превращая свою сильную часть в нечто. – Никто из живых не видел его, ты его не видела. Ты его не знаешь». «И он меня! – подхватила девушка. – Он не знает, что в этом мире есть еще один волшебник, внезапность – мой конек».

– Как ты думаешь, Юлий, кто я? – спросила она, забрасывая еще одну щепотку листьев папоротника в пылающий котел. Юлий Септимус, разбирающий только что принесенную им корзину с лесными травами, был как никогда задумчив. Очки съехали ему на самый кончик носа, кудрявые седые волосы торчали в разные стороны, словно после неудавшегося эксперимента, зеленый халат как-то странно свисал с его плеч и готов был вот-вот лопнуть.

– Ты целительница, Элин, причем необыкновенная целительница, умелая, красивая и все схватывающая на лету. За всю мою четырехсотлетнюю жизнь у меня было немного учеников, но могу с уверенностью сказать, что ты – лучшая из них.

Элин покраснела.

– Ну, хватит, Юлий. Ты меня сильно выхваливаешь. Уверена, что в мидгарде найдутся целители намного искуснее меня. У них у всех есть своя цель – спасти гардвиков, они знают, чего хотят и что уготовано им судьбой, а я... Видхи для меня закрыта. Я каждый день спасаю жизни другим, жизни, которые уродуются другим, таким же, как и я, волшебником. И от этого все становится еще запутаннее. Почему такое случается? Отчего мы, маруны одной крови, совершаем такие разные поступки?!

– БАХ! – что-то вспыхнуло в котле. Элин ахнула и принялась сильнее мешать зелье поварешкой. Сильфы, парившие над потолком, со страху попрятались в кухонной посуде.

– Такое иногда случается, – успокаивающе произнес Септимус и аккуратно снял котел с огня, что ярко-желтым огнецветом извивался, левитируя над зачарованной горелкой.

– Вот, например, на Земле нынче нет ни марунов, ни нежити. Все гардвики – люди, у них у всех есть одна голова на плечах, руки, которыми они трудятся, воплощая в реальность свои самые смелые желания, кровь, что неустанно бежит по их телу. У каждого из них есть сердце и душа. В чем же тогда различие? Только в том, как они видят мир. Мы в этом похожи на них. Ты видишь мир в свете, алакс – во тьме, ведь она роднее его сердцу.

– У него нет сердца, – прошипела Элин, – он – чудовище.

– Рано или поздно алакс раскается в содеянном, – спокойно продолжал Юлий, немного раздосадованный столь резкими словами своей подопечной. В давние дни, когда волшебница

еще не существовала в его жизни, он считал себя частью старого Эйлиса и был одним из самых правильных гардвиков, кажется, чуть ли не всей Руны. Ни веря в Создателя, ни посещая ни один божественный храм и не состоя ни в одной святой конфессии, он знал наизусть все законы, когда-либо написанные Мудрыми, и верно соблюдал каждый из них. Для Юлия слово Совета было превыше всего, и когда из их септимской цитадели во все грады Руны белыми сенмурвами были присланы весточки о том, что ныне все алаксы должны беспрекословно склонить головы перед единственным владыкой всея земель, каждый житель Руны заподозрил неладное, кроме него. Когда приказом Мудрых все мертвые души начали отправляться не к зеркалу Переходов, чтобы переродиться, а в Дарк, гардвики впервые в истории воспротивились их слову. Юлий продолжал верить Совету и стыдил народ за его неверность. И он бы держался своей стези, если бы не Элин. Вернувшись с запада, девушка во всех красках поведала ему то, что видела своими глазами. Пламенным речам волшебницы не поверил бы только дурак. Вера Септимуса канула в лету, но он, все же, продолжал придерживаться законам старого Совета, которые кроме всего прочего говорили, что любое существо мидгарда способно осознать свои ошибки и раскаяться. Элин считала это пустословием.

– Молвят, что на прошлом закате пал Ольтекран, – сказала волшебница, и бросила щепотку тимьяна в котел. Вязкое месиво приобрело темно-зеленую окраску. – Тысячи мертвых, Юлий, тысячи. Ты представляешь, сколько сейчас душ столпилось над Галадеф? И каждая хочет переродиться! – Элин жалостно посмотрела на Юлия. Он молчал. – Что со мной не так? Я ведь должна чувствовать в себе что-угодно (сострадание, боязнь, беспомощность), но не жажду убить весь предательский Совет, превратившийся в марионетку алаксы, и самого алаксы за все то, что он сделал с той Руной, которую я даже не помню. Я, кажется, превращаюсь в него. Неужели все волшебники такие? Если так, то я хочу отречься от своего дара. Не хочу стать такой же. Я боюсь, что при первой же возможности я сорвусь и начну убивать.

– Только ты решаешь на какой стороне тебе быть, Элин, – сказал он, опуская руку на ее плечо. – Только ты.

Звон разбивающего стекла отвлек обоих. Хрустальные осколки снегом рассыпались по земле, голубая жидкость с крошечными кусочками корня одолень-травы озером покрыла каменный пол. Ехидно улыбаясь и прожевывая хихиканья и насмешки, мандрагора спряталась головой в горшок.

– Ну вот! – всплеснула руками целительница. – Мандрагорка опрокинула настойку *Сомии*! Зачем мы только держим их и столько снотворного на кухне? – девушка подошла к растению и переставила его к окну, подальше от полки с настойками. Мандрагора начала урчать и попыталась бросить в волшебницу землей.

– А ну-ка, тсс! – рявкнула Элин. Растение хмыкнуло, пробормотало пакости и успокоилось. – Будет свободное время – перенесу все в чулан. Сомии здесь делать нечего, – девушка подозвала метлу-уборщицу, и та начала сметать все в крошечный летающий совок.

Котел остыл. Элин взмахнула руками и зелье перелилось в склянки. Юлий закрыл их крышками, и, уложив на поднос, отправился по делам. Элин осталась одна.

– Я решила на какой стороне буду сражаться! – воскликнула девушка, одарив радостным голосом тишину, скидывая халат лекаря и вешая его на крючковатую вешалку. – Я хочу стать сильнее! Я должна научиться управлять магией. Куда мне надобно идти для этого? – Элин на туну задумалась. – Пожалуй, пойду в библиотеку.

Обыкновенный дом, снаружи ничем не примечательный, такой же, как и у всех. Стены были вымощены из красного кирпича, крыша уложена желтеющей соломой, огромные круглые горшки с цветами стояли у покосившихся на бок деревянных дверей, открытых нараспашку,

желтые одуванчики усеивали полянку у окон, словно звезды зеленого неба. Волшебница стояла на каменной тропинке, бегущей от самых дверей через эти небесные берега к раскинувшейся впереди мощенной дороги, спрятанной под тенью вековых дубов и берез, и любовалась золотым сечением огненного илиуса. Бабочки с прозрачными крыльями порхали над ее головой, веселые ундины с огромными рыбьими хвостами, облюбовав крошечный пруд по правую сторону дома, плескались в воде и осыпали водяным градом берега; десятки белых зайцев, размером с дикого кабана, заполонили сад по левую сторону. Попав в земли Дакоты, скучающие от жизни без крупных плотоядных хищников, зайцы расплодились, да так, что стали настоящим несчастьем для жителей востока.

– А ну хватит грызть мою тыкву! – прикрикнула волшебница, отправила нескольких парить над землей, а затем запустила их в багровые кущи. Все было без толку. Толстые и неуклюжие, к тому же совсем не умеющие бояться, они снова вернулись на грядки. Элин недовольно фыркнула и прикусила губу. Схватила одного за уши, попыталась оттащить, но он оказался непосильной ношей.

– Их отсюда не прогнать, – заметил крошечный старичок, ростом в четверть сажень, сидящий на крыльце. Со стороны он мог показаться тряпичной куклой с огромными кошачьими ушами. Серая борода доставала до его круглого живота, завивалась и была словно живая. Лицо сморщенное, темное, с крошечными черными глазками-бусинками, нос расплюсцен, а губы настолько малы, что, казалось, их вовсе нет. Одежды на нем почти не было, волосатое тело прикрывали веточки и листья, а голову – соломенная шляпка. Встав, домовой с трудом преодолел огромные человеческие ступени и, горбась, направился в сторону волшебницы.

Нечисть давно стала частью Междумирья, как и темная нежить. Элин, как и все, умеющие читать магию и напитавшиеся ею, видела духов. Духи заполонили Эйлис еще во времена первого Слияния, и, остались здесь, облюбовав сей мидгард, как свой родной дом. Духи селились бок обок с живыми, или прятались в глухих лесах, боясь показаться на глаза, были везде и всюду – только глухой и незрячий мог бы их не заметить.

– Им нравится наш дом, хозяйка, – продолжил старичок, отмахиваясь от огромных бабочек, слетевшихся к нему со всех сторон.

– Мне любо это слышать, – улыбнулась девушка. – Как ты поживаешь, Жюрж? Мыши не тревожат?

– Нет, – проскрипел он, доставая одну из уха. – Жюрж с ними договорился. Теперь не будут поедать наши припасы пшеницы.

– До осени времени еще много, они могут и передумать, – Элин пожала плечами и вдруг вспомнила. – Ах, да! Совсем забыла! Юлий гневается, думает, что это ты припрятал его счастливую ложку. Но это же не ты, верно?

Маленькие глазки блеснули, домовой опустил голову и шмыгнул носом.

– Я, конечно, защищала тебя как могла, – продолжила девушка, – но он все равно в обиде. Прошу, верни. Он больше не будет рыться в чулане и трогать твои вещи. Он обещал.

– Хорошо, – согласился он, тая под обаятельной улыбкой волшебницы. – Жюрж вернет ложку. Ложка хозяина будет лежать под кухонным столом, и он решит, что сам ее туда положил.

– Вот и славно, – Элин весело подмигнула и перевела взгляд на прожорливых зайцев. – Так уж и быть, ешьте. Слава Гомену, магия здешних почв такова, что завтра на этом же месте еще что-нибудь взрастет, – девушка повернулась к городу и вприпрыжку отправились навстречу веселым улицам.

Ленивое весеннее утро неторопливо заливало град малиновым светом. К обеду он ожил, зацвел яркими красками. Еще недавно сонные улочки, казавшиеся скучными и унылыми, ныне преобразились. Широкие дороги начинали наполняться стремящимся людом, повозками, лошадьми. В садах-огородах с рассветом появились земледельцы в бурых передниках и белых рубашках, поехали неуклюжие телеги, переполненные овощами.

Удары топоров, да скрежет камней начал раздаваться с запада – людской народ преступил к труду. Не умели люди стареть духом, не умели терять свою доброту на протяжении столетий. Статные девушки и женщины – рукодельницы Руны, сияющие молодостью и красотой, сидели за пряжей, хором подпевая песню о славном юнце из вечного рассказа Трока – «Искания молодого альва». Шелковые нити выскальзывали из пальцев, добрые, превосходные ковры да платья вылетали из их рук, накрывая собой весь Тинк-Кросс и весь восток. Мужчины – все силачи, как на подбор, одним ударом раскалывали горные камни, без усилий подымали их большими руками и закидывали в парящие телеги. Одни тележки улетали вниз в рудники, другие – вверх, к горным цитаделям, где светлые альвы своею магией и ловкостью рук плели волшебство. Все, начиная от посуды и заканчивая фресками на стенах, мастерили они – светлые альвы.

Очнулись сады и огороды и их вечные служители – серые фавны. Круглые корзины да телеги переполнились фруктами и овощами. Поехали повозки с ранними яблоками, грушами и златоцветами. На дальних уголках града повалил серый дым – это славные колдуны снова принялись варить свои зелья: любовные, исцеляющие и успокаивающие, приносящие блаженство и тревожащие, взрывающие и отражающие проклятия, пробуждающие к нелепому разговору и вызывающие грусть и печаль – каких только не было в их лавке! И не была ни конца, ни края этим светло-зеленым полям, усыпанным горными цветами, где тут и там порхали цветочные дриады, птицы, бабочки, да огромные, словно воздушные шарики, пушистые шмели. Здесь и там звонили голубые колокольчики, трехглазые зувевры завороченно замерли, вслушиваясь в волшебные звуки, и, может быть, видели их и весь шестимерный мир, простилавшийся материей по всему мирозданию и недоступный обычным гардвикам.

Элин, одетая в желтый плащ просто невыносимо яркого окраса, в белоснежных туфельках и с красивым цветочным ободком на голове, немного постояла на месте у переулка Травников, засмотревшись в витрину лавки Гетрильда, что обменивал любовные зелья на человеческие волосы, еще раз задала себе один единственный вопрос: «Зачем они ему нужны?», и пошла дальше. Разглядывая кипящий жизнью Тинк-Кросс, Элин снова и снова находила для себя что-то новое. Мимо пролетели веселые вывески цирюльни Хариса – светлого гургулла, что дня два назад обменял у Юлия отвар из черницы на зачарованную бритву, у раскидистого вяза Алья Фасия отчитывала своих сыновей – Ворга и Сигда за разбитую вазу дяди Лопелля – торговца цветами, из открытых дверей «*Жирного всадника*» выскользнули маленькие злыдни, ехидно улыбаясь. «Явно сделали какую-то пакость» – подумала Элин и точно: через туну, раскидываясь ругательствами, за ними кинулся Тели Беррит – хозяин неведучей таверны. Шиана Трасвельвиль – высокая статная светлая альвийка в больших очках с золотой оправой громко и ясно читала иногда смешные, иногда грустные истории собравшимся около нее детишкам. Крошечная ростом Нели и высокий громила Форис, спрятавшись под тенью деревьев, снова целовались, прячась от чужих глаз. Они любили друг друга, наверное, слишком сильно, чтобы ждать свадьбы, которая должна была пройти через видху, когда бабушка Фориса вернулась бы из длительной поездки в Авангор, где пыталась найти корабль, на котором бы ее внуков увезли подальше отсюда. Элин вдруг стало невыносимо грустно осознавать, что если у этих двоих родятся дети, то они вынуждены будут жить в мире, где каждый сам за себя, где свобода станет пустым словом.

Узкие дороги, меж цветочных домов с соломенными крышами, переполнялись людом, возами и тут и там снующей нечистью. С острых треугольных шпилей протянулись вереницы веревок, увешенных цветными ленточками и флажками, по которым то и дело гуляли черные коты. Подпрыгивая на ухабах, на улицу въехал огромный караван, везущий шелк да яства из Найстана, что тут же привлек к себе всеобщее внимание. Движение встало, нахлынувшая из неоткуда толпа тут же закрыла собой все дороги. Элин неохотно начала проталкиваться вперед.

– Здравствуйте, целительница! – любезно поздоровался мужчина, сняв цилиндр. Улыбнувшись в ответ, девушка попыталась вспомнить, кто он, когда и отчего лечила его. «Ведерик, – промелькнуло имя в голове, – его зовут Ведерик. Он колдун в третьем поколении, прекрасный оратор и семьянин, член малого Совета. Приходил в дом лекаря шесть видх тому назад, дабы избавиться от ужасного ожога, который получил после неудачного эксперимента с саламандрами».

– Ох, ну что вы в самом деле? – начал он, расталкивая стоящих впереди зевак и пропуская волшебницу. – Дайте пройти целительнице! А ну, все брысь с дороги!

– Проходите, госпожа, – вежливо зашептался люд, освобождая путь. Кажется, каждый житель Тинк-Кросс знал ее и каждый был преисполнен благодарностью к ней и гордостью за то, что она живет в их граде.

Раскормленные до отвала лошади едва перебирали ногами и тягостно шли друг-за-другом, неохотно таща за собою переполненные телеги. Обогнав их, волшебница вышла на площадь, разделенную невидимыми баррикадами на две части. На одной стороне стояли корзины с оружием и щитами, сотня молодых ребят не старше ее самой, и уже зрелые, повидавшие многое в жизни мужчины обучали себя и других военному делу, а на другой возвышалась сцена недавно приехавшего в град театра. Заиграла музыка и фавны пустились в пляс. Несмотря на все происходящее за пределами Дакоты, здешний народ был весел и не падал духом. Жизнь продолжалась и текла своим чередом.

Чем дальше волшебница уходила от сердца града, тем меньше знакомых встречалось на ее пути. Дорога почти опустела, давая возможность ускорить шаг и идти навстречу ветру, расправив крылья.

– Иди к нам, госпожа, – позвала детвора, выскочившая из угла. Компания детишек играла в пятнашки, целью которых было догнать и попасть в противника мешочком с волшебной пылью, от попадания которой на кожу любой, тут же на туну, обращался в какое-нибудь животное. Хотя девушка уже считала себя взрослой, она не могла отказаться от такой забавы. Скоро со дворов слышались веселые крики и шум бегущих ног. Элин мчалась на всех парах за детьми. Кажется, каждый успел побывать в шкуре змеи, собаки и кота не один раз. «Будете знать, как играть с волшебницей!» – хихикнула она, бросая цветной мешочек. В конце концов девушка сама нечаянно коснулась пылицы и обратилась в огромного белого гуся. Детвора засмеялась, хватаясь за животы, а Элин, фыркая и ненавидя глупую иллюзию, поплелась дальше, мало-помалу возвращаясь в прежний человеческий вид.

– Ты какая-то бледная, – заметила госпожа Мора, выглядывая из окна. Элин в ответ пожала плечами и вырвала последние гусиные перья, оставшиеся на ушах. – Небось трудишься целыми днями, не покладая рук. А ну-ка, зайди ко мне на виру!

Целительница, хоть и желала поскорее попасть в библиотеку, отказать хозяйке пекарни «*Печь и пламя*» не могла. Не успела девушка переступить через порог и почувствовать чудный запах горячего хлеба, как она всучила ей в руки огромный вишневый пирог.

– Какая же ты худенькая! Съешь все до самой крошки и не с кем не делись, – приказала хозяйка и поплелась к прилавку. Будучи довольно пышной дамой, Мора с трудом умещалась между полками с печеными вафлями, буханками хлеба и булочками, раздвигая их в разные стороны, как крепкое судно льды. – Когда настанет время голода, ты должна быть к нему готова. От худой и немощной от тебя проку будет мало.

Потерев носочками туфель деревянные доски, покрывающие пол, Элин кивнула.

– Спасибо, – улыбнулась волшебница, не зная, что еще сказать. – Я обязательно все съем.

Время близилось к полудню. Илиус, покружив над раскаленной землей, начал медленно стремиться к закату, пересекая центр неба, подгоняемый крошечным кругом Ремени. Повозка подымалась все выше и выше к северным берегам Верных гор, отдаляясь от веселого Тинк Кросс. Элин ехала на ней, пожевывая пирог, и мечтала о невероятных приключениях, о неиз-

вестных ей странах и мидгардах. Мимо пролетели белые голубки и скрылись за крышами, за ними – почтовые ласточки, несущие весточки из дальних западных земель. Зеленые каштаны укрыли дорогу, мало-помалу разрушая корнями сложенные в ряд каменные бордюры. Буйно зацвели милии²²

²² **Милии** – растения, схожие на златоцветы, дающие горящие в темноте каменные плоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.